

Александр Вонтов

КОВАНЫЙ СУНДУК

Шпионы. Дело №...

Александр Воинов

Кованый сундук

«ВЕЧЕ»

1955, 1968, 1975

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Воинов А. И.

Кованый сундук / А. И. Воинов — «ВЕЧЕ», 1955, 1968,
1975 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5728-9

В творческом наследии крупного советского писателя Александра Исаевича Воинова (1912–1979) шпионская тема занимает особое место. Широкую известность завоевала его повесть «Кованый сундук» (1955). В центре сюжета поиск вражеской агентуры во время Великой Отечественной войны. Отступающие немецкие войска пытаются затормозить натиск Красной армии с помощью глубоко законспирированной сети диверсантов. Перед нами один из лучших образцов советской приключенческой литературы: фронтовой документализм здесь удачно сочетается с напряженной фабулой. Точность деталей, борьба логики и интуиции с тщательно построенной «легендой» не дают возможности оторваться от чтения. В поздних повестях писателя «Застава Дальнего острова» (1968) и «Комендантский час» (1975) показано, как формируются характер советского человека, его неукротимая готовность к подвигу. В первой из них рассказано о подростках, живущих на приграничной территории. Даже в мирное время им необходимо принимать быстрые решения, от которых зависят жизни других людей. Во второй – о борьбе советской разведки за спасение одесского порта весной 1944 года.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5728-9

© Воинов А. И., 1955, 1968, 1975

© ВЕЧЕ, 1955, 1968, 1975

Содержание

«Найти во что бы то ни стало!»	7
Кованый сундук	11
Глава первая	11
Глава вторая	13
Глава третья	14
Глава четвертая	21
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Глава восьмая	39
Глава девятая	41
Глава десятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Воинов Кованый сундук

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданиям:

Воинов А. Кованый сундук. М.: Трудрезервиздат, 1955;

Воинов А. Застава Дальнего острова. М.: Молодая гвардия, 1968;

Воинов А. Комендантский час // Подвиг, 1975.

© Воинов А.И., наследники, 2026

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

«Найти во что бы то ни стало!»

Принято считать, что серьёзные, состоявшиеся авторы, отметившиеся в шпионской литературе, скептически оценивают свои детективные книги, относя их к «низкому жанру». Но мы знаем примеры, когда писателя с именем не отпускает шпионская тема, несмотря на успехи других его сочинений. Сегодня мы расскажем о таком случае.

Александр Исаевич Воинов (Гутман) родился 3 марта 1912 года в Петербурге, в интеллигентной еврейской семье. У него рано умирает отец. Мать – Лея Шевелевна – была врачом и вынужденно много времени проводила вне семьи. Детские годы пришлось на время Гражданской войны, разрухи, голода. Уже тогда будущий писатель демонстрировал редкую самостоятельность. Например, он самостоятельно записался в школу. После её окончания семнадцатилетний Александр поступает в Ленинградское военное училище связи им. Ленсовета. Затем последовал перевод в Киевское военное училище связи им. М.И. Калинина. Из него Воинов и выпускается с отличием. Годы учёбы навсегда остались в памяти писателя. Из очерка «Настоящее, прошедшее, будущее»:

«Раз в несколько лет я приезжаю в родное училище. И не только потому, что хочется взглянуть с обрыва на дальние берега Днепра, походить по тем камням, из которых твои кованные сапоги в юности высекали искры. Для меня каждый приезд в училище – глубокая душевная и нравственная потребность.

Я был одним из тех, кто вышел молодым командиром из этих стен незадолго до Великой Отечественной войны...»

Воинов принадлежал к числу тех людей, для которых армия стала нечто большим, чем местом службы. Он врос в армейскую жизнь, ценил её строгий ритм. А теперь необычный штрих для профессионального военного. Параллельно с обучением в училище Воинов поступает на филологический факультет Ленинградского университета. Он успевает отучиться там три курса – с 1934 по 1936 годы. Изучение истории журналистики способствовало первым «газетным» опытам курсанта-связиста. Из того же очерка:

«Помню, как мы в своих довоенных “боевых листках” писали: “Курсант Иванов медленно наводил линию связи. Ему помог сержант, и курсант стал бегать быстрее”».

Газетная и журнальная работа занимала всё большее место в жизни молодого красного командира. Армия никуда не ушла, просто Воинов нашёл способ соединить два своих призвания: ратное и литературное. Сам выбор его псевдонима достаточно красноречив. Александр не выбирал тёплых мест. Он прошёл войну с Финляндией, а уже в июне 1941 года журналист отправился на фронт. Показательно, что на фронт его отправляет ленинградское отделение Союза писателей. Воинов служил корреспондентом Советского информбюро на Ленинградском, Волховском, Брянском, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Работа в армейской прессе сводила журналиста с людьми разных званий и судеб. Символично, что именно на фронте Воинов случайно встретился со своей матерью, ставшей военным врачом. Война обнулила их прежние сложные отношения, и общение между близкими людьми восстановилось. Одной из примечательных встреч стало знакомство с генералом Ватутиным. Молодой талантливый полководец не мог не обратить на себя внимания начинающего литератора. Трагическая гибель Николая Фёдоровича, попавшего весной 1944 года в засаду украинских националистов, потрясла Воинова. Он и сам не избежал суровых отметин войны. Вот что можно прочесть в армейской характеристике фронтового журналиста:

«В августе 1941 г. у ст. Мга, будучи в 41-й авиадивизии, принимал участие в коротком бою.

16–19/ХІІ–42 г., будучи воен. корреспондентом при штабе 6-й Армии, в районе Новой Колитвы на среднем Дону принимал участие в боях при прорыве к Контемировке.

Будучи военным корреспондентом Совинформбюро на Воронежском фронте, в марте 1943 г. был тяжело контужен взрывной волной авиабомбы в гор. Новый Оскол.

Из Красной Армии уволен как инвалид Отечественной войны 2-й группы».

Да, капитан Воинов осенью 1943 года возвращается к мирной жизни. Летом победного 1945 года он уже трудится редактором в издательстве «Художественная литература». Воину привелось работать с книгами таких маститых авторов, как Илья Эренбург и Мариэтта Шагинян. О последней он сохранил не самые приятные воспоминания. Но прошлое – война – не отпускало его. Воинов пробует себя в художественной прозе. Так, в 1946 году он пишет рассказ «Последний салют». Директор завода Мотылев решает непростую задачу. Для восстановления предприятия нужно взорвать башню, в которой держал оборону и погиб его друг Приходько – командир саперной роты. Есть ли правильный выбор в этой сложной ситуации?

Трагическая и героическая жизнь генерала армии Ватутина становится основой его первого серьёзного литературного труда. Через пять лет, в 1950 году, в Детгизе тридцатитысячным тиражом выходит первая книга Воинова «Рассказы о генерале Ватутине». Судьба генерала не оставляла в покое писателя всю его жизнь. Позже он напишет повесть «Пять дней», посвящённую службе Ватутина на Юго-Западном фронте в дни Сталинградской битвы. В 1971 году в белгородском театре состоялась премьера пьесы «Последняя битва», рассказывающая также о знаменитом советском полковнике. Крепкая дружба связывала писателя с семьёй Николая Фёдоровича. Будем откровенны, на «ватутинской теме» можно было жить и писать достаточно долго. Но Воинов не хотел становиться автором одного сюжета. С целью расширения авторского диапазона он обращается к шпионскому жанру. Эффект превзошёл все ожидания.

Впервые повесть «Кованый сундук» в сильно сокращённом виде опубликовала «Комсомольская правда» в начале 1955 года. О популярности повести можно судить по следующим фактам. В том же 1955 году вышел первый выпуск альманаха «В мире приключений». Со временем вся эта серия обрела культовый характер. Успех проекта связан, конечно же, и с удачным стартом. В пилотном выпуске мы находим имена, знакомые всем любителям шпионского жанра. С крупной формой там выступили Николай Тoman и Валентин Иванов. Не потерялся среди них и «Кованый сундук» Воинова. Во всё том же 1955 году отдельным изданием повесть вышла в не менее легендарной серии «Фантастика. Приключения», которую издавал Трудрезервиздат. Тираж в девяносто тысяч мгновенно разлетелся. В следующем году издательство повторило тираж, который также не залежался на полках. Свидетельство тому – «Кованый сундук», выпущенный в киевском издательстве «Художньої Літератури». Наконец, в 1958 году Калининградское книжное издательство печатает ещё один тираж повести. Наверное, среди книг нашей серии «Кованый сундук» можно назвать рекордсменом по числу прижизненных изданий. Следует ли говорить, что после разгрома советского шпионского романа, случившегося в том же 1958 году, повесть исчезла из всех издательских планов. О том, как писатель, вопреки негласным запретам, пытался вернуть книгу своему читателю, я ещё расскажу.

Кстати, весной всё того же 1958 года Воинова принимают в Союз писателей СССР. Одним из оснований приёма значилась повесть «Кованый сундук», что вряд ли может вызвать удивление. Теперь пришло время поговорить о самой повести и понять причину столь бурной читательской реакции. Начинается она камерно, с описания предмета, давшего название книге:

«Это случилось 28 июня 1942 года на одной из военных дорог западнее Воронежа.

Ранним утром от серенькой, неприглядной хатки, затененной пыльными ветлами, отъехала грузовая машина. Только немногие знали: в этом приземистом трехкоконном домике размещалась полевая касса Госбанка. Обычно она находилась рядом со штабом дивизии. Но несколько дней назад, по указанию командования, ее в числе других тыловых учреждений переместили дальше от линии фронта. В кузове машины под серым брезентом стоял большой железный сундук, наглухо запертый и запечатанный. Много, видно, потрудился когда-то

над этим сундуком хитроумный мастер. Для прочности он оковал его железными полосами, а для красоты сверху донизу усыпал узорчатыми бляхами и бесчисленным количеством медных заклепок тонкой работы и самой разнообразной формы, теперь уже потемневших от времени. Никакой пожар не способен расплавить толстые стенки сундука, а не посвященному у его сложное устройство не открыть замка, даже если он провозится очень долго.

Надо сказать правду: сундуку этому гораздо более пристало бы стоять в каком-нибудь укромном уголке помещицкой усадьбы, купеческого дома или даже попросту комиссионного магазина, где его, может быть, приметил бы пристрастный взгляд завятого любителя старины».

Отсылки к девятнадцатому веку, впрочем, сменяются суровыми картинами фронтовой жизни. Сундук используется как дивизионная полевая касса. Кроме того, в нём хранятся некоторые важные документы. При немецком налёте исчезают и сундук, и дивизионный начфин капитан Соколов. Через несколько месяцев они оба возвращаются в расположение своей части. Соколов рассказывает о пребывании в плену. Постепенно загадок и таинственных совпадений становится всё больше. В ситуации пытаются разобраться начальник штаба дивизии подполковник Стремянной и руководитель особого отдела майор Воронцов.

Особую роль в расследовании играют дети: Коля, Витя и Майя. Пережившие страшные месяцы оккупации, кровопролитных боёв за освобождение родного города, они не потеряли детского любопытства, стремления помочь старшим наладить мирную жизнь, освободить родную землю от любых следов ненавистного врага. Друзья пролезают – буквально и в переносном значении – туда, куда не могут попасть взрослые:

«Мальчики нырнули в пролом, перебрались через несколько гребней осевших на землю развалин и очутились под сводом, который образовался оттого, что две стены навалились друг на дружку, но не упали. Здесь почти совсем не было снега. Под ногами валялись груды битого камня, цемента, железных обломков. Мальчики с трудом прошли десяток шагов и вдруг увидели в стене дверь.

Она была приоткрыта, но за ней было темно, так темно, что у обоих не хватило духа войти туда, куда она вела. Они стояли перед черным проемом и слушали. В развалинах свистел ветер. Где-то вдалеке несколько раз ударила зенитка. В небе, за тучами, пророкотал самолет.

Таинственная дверь пугала мальчиков, и в то же время им очень хотелось в нее войти. Коля осторожно протянул руку и чуть-чуть толкнул ее – она закрипела и раскрылась еще больше.

Мальчики, вытянув шеи, заглянули внутрь и в полумраке разглядели лестницу, которая вела вниз».

Писателю особенно удаются сцены засад, погонь, блужданий по пустынным и безлюдным развалинам когда-то мирного, цветущего города. Контрразведчики чувствуют, что враг где-то рядом, он пытается навязать им свою игру с далеко идущими целями. Многие ниточки расследования при его запутанности тянутся к молчаливому герою повести – «окованному железными полосами и усыпанному узорчатыми бляхами». Ему ещё предстоит открыть свои непростые секреты... Писателю удаётся удержать интригу до самого финала книги, что не так часто удавалось отечественным авторам шпионских романов.

Как я уже неоднократно рассказывал, конец 1950-х знаменует собой жанровый закат советского шпионского романа. Но писательская судьба Воинова складывалась удачно. Его книги продолжали издаваться. В частности, он написал роман «Западня» (1973), раскрывающий драматическую историю одесского подполья в годы войны. В нём удалось восстановить историческую справедливость в отношении ряда лиц, несправедливо обвинённых в сотрудничестве с противником. Большой интерес читателей вызывала и повесть «Иностранка» (1965), по которой был снят одноименный фильм. Но писатель явно скучал по жанровым вещам. Трудности с новым изданием «Кованого сундука» привели к тому, что писатель прибегнул к лите-

ратурному трюку. В 1961 году выходит его роман «Отважные». В 1970 году книга была переиздана. В ткань романа и был «вмонтирован», спрятан «Кованый сундук». Воинов хорошо понимал, что повесть в её первоизданном виде вряд ли снова увидит свет...

Тем не менее писатель пытался использовать приёмы и повороты шпионского романа в ряде других своих произведений. В наш сборник, помимо главной шпионской вещи Воинова, включены также две его поздние повести «Застава Дальнего острова» (1968) и «Комендантский час» (1975). В первой из них действие происходит на удаленной пограничной заставе. Юные герои повести по мере сил и разумению пытаются не допустить нарушения рубежей нашей отчизны. В этом отношении «Застава...» явно пересекается с «Кованым сундуком». Первая глава называется «Погоня». В ней подростки преследуют нарушителя:

«Лес кончился – и в ту же секунду Артем увидел нарушителя. Он уже подбежал к лугу, держа на плече две длинные жерди. Вот он остановился, спокойно положил перед собой одну жердь и ловко, как акробат, пробежал по ней. Затем он выбросил вперед вторую и, ступив на нее, осторожно поднял первую. Балансируя ею, он добежал до конца лежащей жерди и снова проделал то же самое: положил перед собой одну и, став на нее, поднял вторую.

Все сразу стало ясно: вот, оказывается, зачем пробрался он к избушке, вот для чего понадобились ему эти колья. Конечно, пробираясь к избушке, нарушитель рисковал, терял драгоценное время. Но зато теперь он шел по топкому лугу совершенно спокойно, зная, что его уже никто не догонит».

Сразу скажу, что читатель может обмануться, если решит, что перед ним классический шпионский боевик. Но дух приключений, настоящей борьбы передан очень точно.

Вторая повесть возвращает нас в годы войны. Советские разведчики и одесские подпольщики получают задание внедриться на территорию порта. В центре образы двух разведчиц: Лены и Нади. Напряжённость сюжета достигается за счёт того, что девушки постоянно балансируют на грани провала. Они вынуждены нарушать комендантский час, объявленный оккупантами. Но зачастую добытая информация требует немедленной передачи Центру:

«Надя озадаченно взглянула на часы.

– Я могу теперь выйти в эфир только после двенадцати ночи.

– Вот и хорошо, – прикинула Лена, – сообщение о караване в штабе получают вовремя.

– Что же будем делать с эшелонами? – спросил Миша.

– Но ведь скоро комендантский час.

– За ночь его могут угнать!

Да, положение не из лёгких! Могла бы, конечно, помочь Валя, но к ней решили больше не обращаться. А штабу надо отвечать...»

Разведчицы вынуждены вступить в опасную игру с врагом: они дробят выходы в радиоэфир, постоянно меняют квартиры, путают следы... Но настоящая схватка начинается, когда поступают сведения о намерении врага взорвать одесский порт. Гонка со временем включает в себя поиск тайников со взрывчаткой и выявление личностей поджигателей...

В этом году исполняется семьдесят лет первому изданию «Кованого сундука». Уверен, что и сегодня читатель по достоинству оценит творчество крупного отечественного писателя, не отделявшего себя от своих героев. Опыт показывает, что это качество настоящего писателя.

Автор предисловия благодарит жену писателя – Нинель Васильевну Савину – за предоставленные уникальные сведения о жизни и творчестве Александра Исаевича Воинова.

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Кованый сундук

Глава первая Кованый сундук

Это случилось 28 июня 1942 года на одной из военных дорог западнее Воронежа.

Ранним утром от серенькой, неприглядной хатки, затененной пыльными ветлами, отъехала грузовая машина. Только немногие знали: в этом приземистом трехконном домике размещалась полевая касса Госбанка. Обычно она находилась рядом со штабом дивизии. Но несколько дней назад, по указанию командования, ее в числе других тыловых учреждений переместили дальше от линии фронта. В кузове машины под серым брезентом стоял большой железный сундук, наглухо запертый и запечатанный. Много, видно, потрудился когда-то над этим сундуком хитроумный мастер. Для прочности он оковал его железными полосами, а для красоты сверху донизу усыпал узорчатыми бляхами и бесчисленным количеством медных заклепок тонкой работы и самой разнообразной формы, теперь уже потемневших от времени. Никакой пожар не способен расплавить толстые стенки сундука, а не посвященному в его сложное устройство не открыть замка, даже если он провозится очень долго.

Надо сказать правду: сундуку этому гораздо более пристало бы стоять в каком-нибудь укромном уголке помещицкой усадьбы, купеческого дома или даже попросту комиссионного магазина, где его, может быть, приметил бы пристрастный взгляд завзятого любителя старины.

В походной канцелярии управления дивизии он был не очень-то на месте. Но случилось так, что прежний денежный ящик, многие годы стоявший в штабе дивизии и служивший верой и правдой, месяца три тому назад вдруг ни с того ни с сего отказался открываться, и его пришлось сломать.

С его стороны это была совершенно неожиданная, можно сказать – неуместная причуда. Однако начфин управления дивизии капитан интендантской службы Соколов был не из тех, кого легко озадачить такими пустяками.

Он наведаясь к начальнику тыла своей дивизии, побывал у соседей, и через два дня на месте старого – такого обычного на вид – денежного ящика уже стоял этот узорчатый кованый сундук с диковинным замком хитроумного устройства и таким толстым дном, что ему мог бы позавидовать самый солидный из современных несгораемых шкафов.

Так как новый сундук был очень тяжел, то его редко снимали с машины. В последние недели штаб часто менял свое местоположение, и капитан Соколов во избежание лишних хлопот предпочитал всю свою походную бухгалтерию держать на колесах.

Под брезентовым верхом его полуторки кочевали по размолотому гусеницами асфальту и горбатым колеям проселков перевязанные крест-накрест грубой тесьмой толстые папки с ведомостями и денежными документами, походный складной стол и такие же стулья с тонкими фанерными спинками – предмет особой гордости Соколова. «Вот полюбуйтесь, – говорил он, – сложишь – и хоть в портфеле носи!»

Личные вещи начфина хранились в черном, слегка потертом, но весьма вместительном чемодане.

В пути все это хозяйство охраняли два автоматчика, и, надо отдать Соколову справедливость, охрана у него была отличная.

Автоматчики одинаково ревниво берегли и денежный ящик, и папки с документами, и, кажется, даже складной стул, на котором обычно сидел их начальник, когда выдавал зарплату военнослужащим.

Быть может, Соколов немножко больше, чем надо, любил похвалиться образцовым порядком своего, как он говорил, «боевого подразделения», но все же было приятно встретить где-нибудь на дороге эту небольшую, аккуратную машину и ее хозяина, туго опоясанного, в шинели, казавшейся чуть тесноватой на его плотной, с прямыми плечами фигуре. Он сидел всегда рядом с шофером, слегка откинувшись на спинку сиденья и выставив вперед густую каштановую бороду (товарищи называли ее «партизанской», и, кажется, это было приятно Соколову). В кузове, выглядывая из-под тента, покуривали автоматчики...

Утром 28 июня полуторка Соколова, как всегда – в полном боевом порядке, выехала в свой очередной рейс. Соколову надо было получить в полевой кассе Госбанка триста с небольшим тысяч, которые следовало раздать офицерам штаба и всем, кто входил в состав управления дивизии.

Через час деньги были получены. Соколов вывел в ведомости золотым перышком авто-ручки свою изящную, четкую подпись с небольшим кудрявым росчерком и опять уселся в кабине плечом к плечу с шофером.

Машина выехала из деревни, но к месту назначения – в штаб дивизии – так и не прибыла.

Дивизия в то время оказалась на главном направлении вражеского удара. На нее наступали два танковых корпуса. Двести «юнкеров» и «мессершмиттов» непрерывно бомбили ее боевые порядки и тылы... С боями дивизия стала отходить к Воронежу.

На войне такие дни не редкость: утро как будто начинается тихо, мирно. Большое воинское хозяйство живет своей деловой будничной жизнью, походным, простым и в то же время сложным бытом. И вдруг – где он, этот быт? Прощай, недолгий уют чужого жилья, короткая радость отдыха, крепкого сна, неторопливой еды! Опять дрожит земля и гудит воздух!

Так было и в тот памятный июньский день.

...На одной из дорог солдаты вступили в бой с прорвавшимися в тыл немецкими броневиками. Один из них был подбит, а другой успел уйти. В километре от места боя на дороге догорала разбитая снарядом штабная автомашина. Знакомая, выдавшая виды полуторка! Походная бухгалтерия капитана Соколова... Любой солдат в дивизии сразу узнал бы ее. Около машины валялись трупы одного из автоматчиков и шофера. Начальник финансовой части Соколов и другой автоматчик исчезли. Исчез также и кованный сундук со всеми деньгами и документами. Но солдаты заметили и подобрали в канаве чудом сохранившийся, совершенно целехонький складной стул – из тех, которыми так гордился капитан Соколов, да его большой, плоский, сделанный по особому заказу портсигар из плексиглаза с мудреным вензелем на крышке...

Солдата и шофера похоронили в придорожной роще, рядом с убитыми в том же бою, а капитана Соколова, второго автоматчика и денежный сундук искать не стали. Дивизия могла оказаться в окружении, и нужно было по приказу командования, совершив стремительный марш, занять оборону в районе Воронежа.

Вскоре в штаб дивизии был назначен другой начфин, совсем не похожий на прежнего, – очень худой, высокий и сутулый человек в двойных очках, с редкой фамилией: Барабаш, а капитана Соколова, внесенного в списки без вести пропавших, понемногу стали забывать...

Глава вторая

Несколько слов о капитане Соколове

Впрочем, Соколова вспоминали, пожалуй, дольше, чем многих других. Нет, не то чтоб его особенно любили, но хвалили все – и начальство, и товарищи.

Он был, что называется, аккуратист. Никогда ничего не забывал, никогда не ошибался и не обсчитывался.

Когда он, слегка приподняв жесткие рыжеватые брови, принимал из рук офицера заявление с просьбой направить семье денежный аттестат, а потом бережно укладывал сложенный вчетверо помятый листок из блокнота в свой новенький желтый планшет, можно было считать, что дело уже сделано. Заявление нигде не залежится, и зарплата лейтенанта Фирсова или там майора Сидоренко вскоре будет исправно выплачиваться где-нибудь в Бугульме или в Молотовской области.

Если его благодарили, он отмахивался: «А как же, голуба? Это ведь вам деньги, а не щепки!..» Но маленькую записку под названием «Чуткость к человеку», напечатанную в дивизионной газете, записку, где, между прочим, положительно упоминался и начфин штаба такой-то дивизии, капитан Соколов тщательно вырезал и спрятал в нагрудный карман. Видно было, что он польщен и обрадован.

В компании Соколов был приятен и увлекательно рассказывал разные случаи из своей рыболовной и охотничьей практики. Охоту и рыбную ловлю он любил до страсти и, вздыхая, говорил, что прежде, в мирное время, свой отпуск проводил в лесу или на реке.

Он был из тех людей, которые, как говорится, нигде не пропадут. Всюду у него были приятели – среди интендантов, в военторге, в сапожной мастерской штаба армии и даже в парикмахерской.

Всеми этими, многочисленными связями он редко пользовался для себя лично, но охотно выручал товарищей. Можно было подумать, что это даже доставляет ему какое-то особое удовольствие.

Одним словом, парень был компанейский, приятный и удобный в общении.

Однако же при огромном количестве приятелей настоящих и близких друзей у Соколова не было.

– Черт тебя знает, – говорил ему майор Медынский, начальник дивизионного госпиталя, человек умный, живой, но несколько грубоватый и склонный, когда надо и не надо, резать правду в глаза. – Со всеми-то ты знаком, со всеми на «ты», без тебя бы я бекеша нипочем не справил, а все-таки ты какой-то не такой...

Соколов не обижался. Его как будто даже немного забавляло, что в нем видят нечто особенное.

– Что ж, – говорил он, самодовольно расправляя свою партизанскую бороду, – так и быть должно. Не очень-то станешь ходить нараспашку, когда отвечаешь за сотни тысяч. Попробовал бы ты на моем месте посидеть...

Возражать на это было трудно, и разговор сам собой прекращался.

...И вот этот-то человек, так хорошо умевший приспособливаться к жизни, славный товарищ и аккуратный, добросовестный служака, пропал без вести.

Глава третья

Удар на Дону

Со времени июльских боев прошло восемь месяцев. После небольшого отдыха дивизию передали другой – соседней армии и перевели на новый участок по среднему течению Дона. Дивизия заняла позиции вдоль берега реки, напротив совершенно разрушенного гитлеровцами небольшого городка.

Полковник Ястребов, опытный боевой командир, уже не раз получавший сложные задания, готовил свои части к наступлению. Командующий армией вызвал его к себе и поставил перед дивизией боевую задачу: выбить гитлеровцев из городка, а затем повернуть на юг и освободить старинный русский город О. Это было важно для успеха всего фронта.

Предстоял бой, во время которого дивизия должна была форсировать Дон и захватить противоположный берег реки. Задача была нелегкой. Крутой склон, почти отвесно спадающий к воде, враги превратили в настоящую крепость. Прорыли в нем множество ячеек, соединили их внутренними ходами, установили пулеметы, пушки, минометы...

Вечером, накануне наступления, около блиндажа, в котором размещался командный пункт дивизии, остановился вездеход. На примятый, притоптанный снег вышли два человека в одинаковых гражданских черных пальто с серыми барашковыми воротниками.

И все-таки люди эти совсем не походили друг на друга. Один, видимо старший по возрасту, лет пятидесяти, а может и побольше, был сухощав, легок и ловок в движениях и как-то даже по-юношески стремителен. Его смуглое лицо было освещено глубоко посаженными черными, необыкновенно живыми и любопытными глазами. Воротник пальто у него был расстегнут, шапка слегка сдвинута на затылок. Из-под нее выбивалась, спускаясь на самую бровь, прядь прямых черных волос.

Из машины он выскочил стремительно и, дожидаясь штабного офицера, который пошел доложить о гостях командиру дивизии, сразу стал похаживать по узенькой, вытоптанной в снегу тропинке, постукивая каблук о каблук, чтобы скорее согреться.

Его спутник, не торопясь, осторожно и медленно вылезал из машины. Сначала он высунул одну ногу, надежно утвердился на ней и уж тогда, немного подумав, поставил на землю вторую. После этого он слегка похлопал ладонями в теплых вязаных варежках и поглубже надвинул на уши шапку с аккуратно завязанными тесемочками.

Его густо порозовевшее на морозе лицо с прозрачно-голубыми глазами было необыкновенно серьезно. Он посмотрел сперва направо, потом налево и сказал, солидно откашлявшись: «Ну, вот и приехали!»

Как раз в этот момент дверь блиндажа распахнулась, и на пороге появился сам командир дивизии полковник Ястребов – маленький, суховатый человек, которому удивительно подходила его фамилия. У него был резкий, даже острый профиль, нос клювом и почти вертикальные брови над круглыми карими глазами, веселыми и сердитыми одновременно.

Солдаты в дивизии называли его «наш ястребок». Они и не знали, что с этим прозвищем он окончил школу, военное училище и даже академию и что так же, как они, называет его и командующий армией, в которую входит их дивизия.

Завидя гостей, Ястребов сделал приветственное движение рукой и крикнул звонким на морозе голосом:

– Прошу, товарищи!

Худощавый круто повернулся и быстро пошел к нему навстречу широким легким шагом.

За ним, чуть вразвалку, оставляя на снегу отчетливые следы, зашагал его неторопливый спутник.

– Здравствуйте, товарищи, – приветливо сказал командир дивизии, сильно пожимая гостям руки своей маленькой крепкой рукой. – Будем знакомы. Полковник Ястребов. Ждал вас!.. Веселее воевать будет, зная, что вместе с нами в город войдет советская власть. Вы, если не ошибаюсь, секретарь горкома партии Громов? Илья Данилович?

– Он самый! – ответил худощавый человек. – А это – Иванов Сергей Петрович, председатель горсовета.

Иванов слегка поклонился, сохраняя строгое, чрезвычайно серьезное выражение лица, минутку помолчал, подумал о чем-то, а потом спросил деловито и требовательно, так, словно ехал в поезде и случайно задержался в пути:

– Когда будем на месте?

– Точно по расписанию, – с улыбкой ответил Ястребов, – хотя возможны и некоторые непредвиденные задержки...

Громов засмеялся, а Иванов вопросительно посмотрел на него, потом на Ястребова и слегка пожал плечами.

– Вот, всегда так с военными, – вздохнул он, садясь перед столиком, на котором лежала карта, – без оговорок не могут. А нам, товарищ полковник, во как надо, чтобы дивизия овладела городом поскорей и, главное, как можно внезапно!..

– Почему? – спросил Ястребов и, пододвинув Громову скамейку, сел напротив председателя горсовета, но тут же спохватился: – Раздевайтесь, товарищи!.. Ужинать хотите? Впрочем, я и спрашивать вас не буду!.. Сергушкин! Слетай к повару, передай, чтобы сюда принесли ужин, – приказал он своему ординарцу. – побыстрее... на троих... нет, на четырех человек!.. И начальнику штаба...

Сергушкин побежал выполнять приказание. У дверей он посторонился и пропустил в блиндаж высокого командира. В белом овчинном полушубке, опоясанный широким ремнем с португеей, с большим планшетом на боку, он казался огромным и занял собой всю ширину двери.

Должно быть, он хотел что-то сказать Ястребову, но, увидев посторонних гражданских людей, молча козырнул им, вопросительно поглядев на командира дивизии.

– А вот и наш начальник штаба. Подполковник Стремянной. Легок на помине! – сказал Ястребов. – Ну, теперь, Егор Иванович, уж нам с тобой надо держаться. Живой рукой надо брать город. Сам понимаешь: с нами идет партийное и советское руководство!..

– Ах вот как! Ну, значит, надо постараться, – чуть усмехнувшись, сказал Стремянной.

Он сбросил свою курчавую белую ушанку, снял толстый полушубок и от этого сразу чуть ли не вдвое уменьшился в объеме. Теперь стало видно, что это человек лет двадцати семи-восьми, очень худой, но, должно быть, сильный и выносливый. В поясе он был тонок, а в плечах широк. В каждом движении его чувствовалась какая-то особая уверенная четкость. «Наверное, он на лыжах хорош, – невольно думалось, глядя на него... – А, может, футболист? Что-нибудь такое, во всяком случае...»

Бледное узкое лицо Стремянного трудно было даже представить себе раскрасневшимся от мороза. Наверно, оно при всех обстоятельствах сохраняло этот ровный, белый цвет.

У Стремянного были белокурые, пшеничные волосы. Такие же, с золотинкой, небольшие усы вились над углами рта.

Когда Стремянной вошел в блиндаж, Громов заметил, что командир дивизии и начальник штаба обменялись привычно-понимающим взглядом, и подумал, что им, должно быть, хорошо работается вместе.

И в самом деле, за те нелегкие месяцы, которые Ястребов и Стремянной провели в боях (Стремянного назначили начальником штаба дивизии всего за неделю до памятного июньского сражения), они научились с одного слова понимать друг друга.

Каждый оценил в другом его способности, мужество, умение в трудной обстановке находить верное решение.

Здороваясь с гостями, Стремянной несколько задержал руку председателя горсовета и сказал, лукаво прищуря один глаз:

– Вы, я вижу, товарищ Иванов, меня совсем не узнаете... А вот я вас сразу узнал.

– Да вы разве знакомы? – удивился Громов.

– Нет, – коротко ответил Иванов.

– Ну, это как сказать! – Стремянной засмеялся. – У вас, наверно, таких знакомых было много, а вот вы у нас один...

В глазах у Иванова появилось нечто похожее на беспокойство.

– Что-то не припомню... – сказал он. – Где же мы с вами встречались?

– Да нигде, кроме как у вас в приемной. Неужто совсем забыли? А ведь я там порядком пошумел.

– Зачем же было шуметь? – наставительно, с упреком в голосе сказал Иванов. – И без шума бы все сделалось.

– Ни с шумом, ни без шума не сделалось. – Стремянной вздохнул. – Ходил я к вам ходил, просил-просил, ругался-ругался, а вы крышу в домике моих стариков так и не починили. Разве что теперь заявление примете? Севастьяновский переулок, два...

– Он ведь здешний уроженец, – указывая на Стремянного движением бровей, сказал Ястребов, обратившись к Громову. – Не куда-нибудь идет... Домой!

– Да, верно, домой, – повторил Стремянной, и лицо его как-то сразу помрачнело. – Тут я и родился, и школу окончил, и работать начал на электростанции. Монтером... А потом, после института, сюда же вернулся – сменным инженером. Да недолго проработал – около двух лет всего. Больше не дал немец.

– А в городе кто-нибудь из ваших остался? – осторожно спросил Громов.

Стремянной покачал головой:

– Город остался... Родных-то своих я, к счастью, вывез. Но ведь мне здесь каждый камень свой. Я уж не говорю про людей. Я всех знал, и меня все знали. – Он невесело усмехнулся. – Я же, ко всему прочему, футболист. В городской сборной играл.

– Батюшки! – вдруг закричал Иванов и даже привстал с места. – Правый край! Ну, как же, как же!.. Можно сказать, краса и гордость всего города. Так какой, ты говоришь, адрес у тебя? Севастьяновский, два? Перекроем тебе крышу, обязательно перекроем! Дай только в город войти. А тогда, конечно, недосмотр был... Уж ты извини, брат, недосмотр.

Громов хлопнул себя по коленям ладонями:

– Ай да Сергей Петрович! Сразу видать: болельщик. Как разошелся! Да ты бы сперва поглядел, цел ли дом-то. Может, и крышу ставить не на что...

Иванов поднял на него свои светло-голубые глаза.

– А ведь это верно, – сказал он задумчиво, – ну что ж, сперва посмотрим, стоит ли дом. Если цел, крышей его накроем.

Он достал из кармана маленькую записную книжечку и что-то написал в ней бисерно-мелким, но четким почерком. Громов заглянул ему через плечо и прочел вполголоса:

– «Севастьяновский, два. Подполковник Стремянной, в скобках – правый край. Если цел – покрыть железом». Побойся бога, Сергей Петрович! Да разве можно так писать?

Он громко расхохотался. Ястребов и Стремянной невольно вторили ему.

Иванов слегка пожал плечами. Лицо его было совершенно невозмутимо.

– А что такое? Коротко и ясно. Даже не понимаю, что здесь смешного.

– Это потому, что у тебя чувства юмора нет.

– Нет, – спокойно согласился Иванов. – Вот и жена мне постоянно говорит: «Скучный ты человек, Сережа, юмора у тебя ни на грош». А что я ни скажу – смеется.

Все вокруг опять засмеялись.

Иванов махнул рукой:

– Смейтесь, смейтесь, я привык!

Дверь снова отворилась, и в блиндаж вошел повар – молодой парень в белом халате, надетом поверх шинели. В больших, красных от мороза руках он осторожно нес котелок, несколько алюминиевых мисок, ножи и вилки. В блиндаже сразу вкусно запахло жареным мясом, перцем и лавровым листом.

Ястребов сам разложил жаркое по мискам и налил гостям по стопке водки.

– Ну, товарищи, – сказал Громов, – за то, чтобы по второй выпить уже в городе!

– Правильный тост, – поддержал Ястребов и приподнял свою стопку. – Но объясните мне сперва, что у вас за особое дело в городе?.. Мы ведь и сами медлить не собираемся!

– Это, конечно, ясно. – Громов налег грудью на край стола и придвинулся поближе к Ястребову. – Нам, видите ли, достоверно известно, что гитлеровцы собираются вывезти из города все, что можно поставить на колеса, и угнать всех, кто способен работать. Хорошо бы этому помешать, а? Как вы думаете?..

– Да так же, как и вы, – усмехаясь, ответил Ястребов. – Должен сознаться, что и у нас с товарищем Стремянным есть кое-какие сведения об этом... Ну и свои соображения, естественно...

– Естественно! – подхватил Громов. – Вы уж меня извините, товарищ Ястребов, мы с Сергеем Петровичем люди не военные, гражданские, а по дороге сюда тоже различные оперативные задачи решали... Вот, думаем, если бы удалось быстро обойти город и перерезать дорогу на запад, то они бы оказались словно в мешке. Впору было бы думать, как головы унести, а не то, что добро наше вывозить.

– Придуманно неплохо, – сказал Ястребов, переглянувшись со Стремянным, – если бы только предстоящая нам задача исчерпывалась взятием города. Но, к сожалению, это только первая ее часть. Главные трудности нас поджидают впереди – и как раз за городом.

– Вон как!.. А мы было думали... – протянул Громов, озабоченно глядя на Иванова.

Ястребов слегка развел руками:

– И мы тоже сначала думали. А выходит иначе. Выяснилось, что западнее – так, километрах в пятидесяти от города – гитлеровцы построили укрепрайон. – Он встретил вопросительный взгляд Громова и кивнул головой. – Сейчас объясню. – Его маленькая, суховатая, крепкая рука привычным движением взялась за карандаш. – Расчет противника таков: в случае нашего прорыва на Белгород – остановить наступление вот здесь, в районе Нового Оскола. По имеющимся данным, укрепления построены довольно солидно – доты, надолбы, противотанковые рвы, минные поля, колючая проволока... Словом, все, что полагается. Проселочные дороги и шоссе простреливаются многослойным огнем... Как видите, повозиться там придется основательно. – Ястребов озабоченно постучал карандашом по столу. – Заметьте, что расположение района выбрано неслучайно... Гитлеровское командование стремится перекрыть весь узел дорог и заставить нас идти прямо по занесенным снегом полям. А поля в этом районе, как вы знаете, густо изрезаны балками, овражками, на холмах раскинуты рощи. Местность очень удобная для обороны... – Ястребов помолчал. – Так что нам есть о чем подумать...

– Да, действительно, дело серьезное, – сказал Громов. – Но если вы знаете, что существует укрепрайон, то, очевидно, у вас есть и данные о нем.

– Конечно, кое-что мы знаем, – согласился Ястребов, – но надо бы знать побольше... Представляете, сколько мы сил, а главное, жизней сбережем, если будем брать укрепрайон не вслепую...

Иванов досадливо махнул рукой.

– Да, уж мы и тактики, – пробурчал он. – Своих забот, вижу, у вас по горло... А все-таки хочется мне рассказать вам об одном важном, так сказать, обстоятельстве, которое нас с

Ильей Даниловичем тревожит. Конечно, по сравнению с тем, что нам предстоит сделать, оно не такое уж значительное... – Он повернулся к Громову. – Не знаю даже, говорить или нет. Илья Данилович, как твое мнение?

Громов смущенно пожал плечами:

– Начал, так говори...

– Конечно, – поддержал Ястребов, – говорите. Все, что касается города, нам знать интересно и важно.

– Ну ладно, скажу прямо, – наконец, решился Иванов. – Проворонили мы при отходе из города одно важное дело. Поручили вывезти городской музей круглому дураку. А он мало того, что дурак, еще и трус оказался. Себя вывез, а музей бросил... А вы знаете, какой у нас музей? Вот пускай товарищ Стремянной вам расскажет. Крамской, Суриков, Репин, Айвазовский. Есть чем гордиться!..

– Да, – поддержал его Громов. – Если уж случилась такая беда, что мы нашу картинную галерею вовремя вывезти не успели, так теперь надо бы сделать все, чтобы и немцы ее не вывезли. Пока нам известно, что картины еще в городе. И, надо полагать, если продвижение наших войск будет стремительным, вряд ли в панике немцы о них вспомнят.

Ястребов взглянул на часы, сморщил лоб и поднялся.

– Так, так... Могу вам сказать, товарищи, только одно: сделаем все, что в наших силах, и даже свыше сил. Дивизия будет действовать по плану командования... Естественно, что и в наших интересах освободить город как можно скорее... Так что будем надеяться... А сейчас отдыхайте. Боюсь только, что ночь будет несколько шумной...

Громов и Иванов поднялись с места. Сергушкин проводил их в соседний блиндаж.

Едва они вышли, как дверь снова хлопнула и по ступенькам вниз быстро сошел начальник особого отдела дивизии майор Воронцов. Его круглое, румяное от мороза лицо казалось взволнованным. Он остановился посередине блиндажа и несколько мгновений глядел куда-то в угол, щуя глаза от яркого света. Руки его были глубоко засунуты в карманы полушубка. На ремне висел пистолет в новой светло-желтой кобуре.

Стремянной подвинул табуретку:

– Садись, товарищ Воронцов!

Воронцов досадливо махнул рукой, снял шапку и сел.

– Вот что, товарищи, – сказал он, смотря то на Ястребова, то на Стремянного, – час назад линию фронта перешел один наш подпольщик, Никифоров. Когда он приближался к нашим позициям, немцы его обстреляли и смертельно ранили... Он умер, но я успел с ним поговорить. Он сообщил, что вчера ночью гестапо арестовало в городе пятерых товарищей. Видно, какая-то сволочь их предала.

Ястребов хмуро смотрел на Воронцова из-под своих кустистых бровей.

– И никаких подробностей? Никаких подозрений? – быстро спросил он.

– Никаких... Кто предал, так и не установлено.

Стремянной порывисто встал:

– Но хоть какие-нибудь данные у Никифорова были?

Воронцов развел руками:

– Нет. Он не мог сказать ничего определенного, но считает, что провал наших людей – это результат чьей-то чрезмерной доверчивости...

– Значит, предатель проник извне? – спросил Ястребов.

– Думаю, что так, – согласился Воронцов. – Кто-то был подослан... Очевидно, опытный шпион. Сумел втереться в доверие.

Все трое помолчали.

Стремянной мотнул головой и сжал кулаки:

– Эх, погибли ребята!.. А ведь всего несколько дней им осталось продержаться!.. Всего три-четыре дня!..

– Да, еще бы дня три, – согласился Воронцов. – Но пять человек – это еще не все. Основная организация сохранилась... – Он встал. – Впрочем, придем в город, разберемся. Обязательно разберемся!..

Он засунул руку за борт полушубка и вынул из него небольшой помятый конверт.

– А вот это Никифоров просил передать Громову или Иванову. Здесь сообщения от подпольщиков. Много полезного. Но Никифоров пробыл у нас дней десять – кое-что могло устареть...

Ястребов взял конверт и, поднеся его ближе к лампочке, стал внимательно рассматривать. Потом вызвал Сергушкина и приказал ему отнести пакет Громову.

Воронцов встал, надел шапку и быстро вышел.

Когда командир дивизии и начальник штаба остались наедине, Ястребов вновь разложил карту на столе и стал отдавать последние распоряжения...

Времени оставалось немного. Из штаба армии уже был получен боевой приказ ровно в 6.00 начать артподготовку и в 6.40 перейти в наступление.

В блиндаже то и дело гудели телефоны. Ястребов говорил с командирами полков, называя номера квадратов, на которые надо обратить внимание артиллеристам, кого-то ругал, кого-то хвалил, кому-то делал строгие внушения...

Так прошла вся ночь. Ровно в шесть ноль-ноль ударил первый залп из десятков орудий.

События развивались стремительнее, чем ожидал сам Ястребов. Хорошо пристрелянная артиллерия в первые же минуты подавила огневые точки врага, разрушила блиндажи и укрытия, в которых прятались минометчики, нарушила всю систему связи между отдельными подразделениями. Гитлеровцы, застигнутые врасплох, пытались отстреливаться, но интенсивный огонь дивизионной, армейской и фронтовой артиллерии не давал им поднять головы. А когда «катюши», скрытые в кустах тальника, подали свой голос, передний край обороны противника замолчал окончательно.

Минеры быстро сделали свое дело, и первые танки, с хода ломая гусеницами лед, ворвались на правый берег и поползли вверх, взметая снежные вихри и оставляя за собой широкую колею, по которой сразу же двинулась пехота.

Через полчаса солдаты уже вели бой в глубине обороны противника. Они теснили его все дальше от берега, и гитлеровцы стали беспорядочно отступать по шоссе в сторону города О., где находился их штаб и где они надеялись укрепиться.

Но в это время один из танковых батальонов, совершив обходный маневр, проник в тыл отступающих немецких частей. Увидев опасность полного окружения, немцы изменили направление и, не дойдя двадцати километров до города О., резко повернули на запад, стремясь избежать дальнейшего преследования...

Гитлеровцы отступали прямо по снежной целине, бросив все, что не может унести с собой человек. На шоссе стояли подбитые автобусы, орудия, минометы, груды валялись снаряды в футлярах, плетенных из рисовой соломы.

Во вражеских штабах, расположенных в городе О., началась паника. Чемоданы летели в машины, хозяева их почти на ходу вскакивали вслед за ними и на полном газу устремлялись вперед по шоссе, пока по дороге еще можно было проехать. Части, оставленные для прикрытия отступающих войск, быстро занимали позиции вдоль северо-восточной окраины города. Но солдаты уже были деморализованы сообщениями о прорыве фронта и думали не столько об обороне, сколько о спасении собственной жизни.

В десять часов утра на подступах к городу показались первые советские танки, и начался стремительный бой на коротких дистанциях.

Полковник Ястребов установил свой командный пункт среди густого кустарника, на склоне холма, откуда хорошо проглядывались и поле боя, и окраинные улицы города.

Рядом с ним на командном пункте находились Иванов и Громов. Вооружась биноклями, они смотрели, как танки, разрывая гусеницами проволочные заграждения, утюжили вражеские окопы, как пехота под прикрытием танков подбиралась все ближе и ближе к городу.

За последние несколько часов Ястребов увидел в председателе горсовета нечто новое. Ему понравилось, что Иванов и здесь, под артиллерийским огнем, остается таким же невозмутимо спокойным, каким был в жарко натопленном блиндаже под тремя накатами толстых бревен.

А в это время Иванов, не отрываясь от бинокля, пристально рассматривал далекие дома, башни, остатку взорванного железнодорожного моста. Приближался час, когда они с Громовым войдут в город, где им предстоит много и трудно поработать. Он думал о том, как накормить, одеть, снабдить дровами всех этих людей, которые ждут их и которые столько вытерпели за это время. Ведь что там ни говори, дивизия Ястребова сделает свое дело и двинется дальше. А они останутся...

Глава четвертая

Возвращение

Ровно в два часа дня, или, говоря языком военной сводки, в четырнадцать ноль-ноль, город был полностью освобожден от противника. На окраине утихли последние выстрелы, и полковник Ястребов, расположившись в небольшом, сравнительно хорошо сохранившемся особняке на центральной улице, докладывал по телефону командующему армией, что приказ дивизией выполнен. Город освобожден.

Довольно было самого беглого взгляда, чтобы увидеть, какой огромный урон нанесли гитлеровцы городу. Самые лучшие дома они уничтожили – взорвали или сожгли. Белое здание городского театра, когда-то ярко освещенное по вечерам, чернело впадинами окон, за которыми виднелись груды обгорелого кирпича и причудливо изогнувшихся ржавых балок; большой, в два пролета, железнодорожный мост, подорванный в центре взрывчаткой, опрокинулся в реку, и издали казалось, что два огромных животных с круглыми слоновыми спинами, упершись в каменные устои задними ногами, опустили передние в воду – пьют, пьют и никак не могут напиться. На холме, возвышаясь над городом, темнел огромный разрушенный элеватор, похожий на старинную крепость после жестокого штурма. Взорвано было и старое здание вокзала, и напоминающая каменную туру красная кирпичная водокачка, и городская электростанция. Тяжелой потерей для города было также исчезновение лучших картин из городского музея. Когда Иванов узнал, что до вчерашнего вечера картины еще были в городе, он крикнул от досады и даже как-то потемнел лицом.

– Нет, подумать только! Перед самым носом увезли, мерзавцы!.. – пробурчал он и после этого добрый час только хмурил свои белесые брови да сердито молчал.

Громов в эти трудные минуты сохранил свою живость, подвижность, общительность.

С тех пор как они очутились с Ивановым на улицах города, их непрестанно окружали люди – всем хотелось узнать, что делается в Москве, в стране, на фронтах... Громов не успевал отвечать на вопросы, пожимать руки, утешать, успокаивать и, в свою очередь, расспрашивать без конца. Ему хотелось знать обо всем, что касалось города, – о том, как здесь жили люди, что разрушили гитлеровцы и что не успели разрушить; сохранились ли самые крупные предприятия города – завод сельскохозяйственных машин, текстильная фабрика и вагоноремонтные мастерские. И хотя все было уже известно и на душе было невесело, ему хотелось скорее сесть в машину, чтобы своими глазами увидеть, представить себе величину разрушений, понять, с чего надо начать восстановление.

Было решено, что они осмотрят город вместе со Стремянным, а он все не появлялся. Ему надо было разместить свое штабное хозяйство, установить связь с командованием армии, с соседями и своими полками, дать указания об охране города, назначить коменданта...

Наконец, когда Иванов уже предложил было войти в дом и погреться, Стремянной вышел на улицу, запахивая на ходу полушубок.

– Поехали, товарищи, – громко сказал он, движением руки подзывая шофера. – Посмотрим как и что...

Стремянной сидел рядом с шофером, тяжело облокотившись локтями о колени, и, подавшись вперед, внимательно вглядывался прищуренными глазами в знакомые с детства дома, в деревянные заборы, в деревья городского сквера, виднеющиеся за низкой чугунной оградой с пиками, похожими на гарпуны, и тяжелым орнаментом из лавровых листьев. Как гласила старинная легенда, эта ограда была отлита еще при Екатерине на уральских демидовских заводах.

Позади Стремянного сидели Иванов и Громов. Они негромко и озабоченно переговаривались, но Стремянной их не слышал. Так странно было ему видеть в этом городе, где прошло его детство, следы недавнего боя, следы тяжелого, почти годичного плена...

На углу двух улиц – Спартаковской и Карла Маркса – стоял немецкий штабной автобус с выбитыми стеклами и сорванными от сильного взрыва дверями. Автобус был выкрашен в серый цвет, а на его кузове черный дракон вытянул в разные стороны три маленькие безобразные головы, увенчанные рогатыми коронами. Этот воинственный знак принадлежал части, еще недавно хозяйничавшей в городе. Сейчас «черные драконы» находились уже в доброй полусотне километров отсюда.

Иванов перегнулся через борт машины, стараясь разглядеть, есть ли что-нибудь внутри автобуса, но вездеход уже завернул за угол и поравнялся с небольшим двухэтажным каменным домом, – штукатурка на нем облупилась, отпала, и в разных местах виднелись потемневшие, изгрызанные временем, дождями и ветрами кирпичи.

Как много было связано у Стремянного с этим домом!.. Вот здесь, где зияет черная впадина вырванной взрывом двери, он когда-то, еще мальчиком, долго рассматривал комсомольский билет, который ему только что вручил секретарь горкома; а вон там, чуть дальше, у тополя со срезанной снарядом верхушкой, он стоял с Катей Парамоновой – лил сильный дождь, а они стояли под густым навесом, и им было весело...

Машина выехала на площадь.

Вот на углу высокое красное здание. Школа!.. Где-то сейчас Иван Степанович, старый учитель, который заставил лентяя Гошку Стремянного полюбить математику? Сутулый, в своем черном длинном пальто, Иван Степанович неторопливо выходил из дверей с пачкой тетрадей подмышкой, чтобы дома, пообедав и немного отдохнув, вооружиться карандашом, с одной стороны красным, а с другой синим, и начать проверку письменных работ. Синим карандашом он безжалостно ставил двойки и тройки, с таким сердитым нажимом, что часто ломал его, и от этого двойки кончались длинным лучистым хвостом – вот как бывает у кометы. Четверки и пятерки всегда были просто, но любовно выписаны...

Шофер немного притормозил, и сидевшие в машине почувствовали острый запах, исходящий, казалось, от стен этого здания – запах немецкого постоянного двора. Окна нижнего этажа были пересечены тяжелыми железными решетками, а над входом еще висела небольшая черная вывеска, на которой белой краской острыми готическими буквами было по-немецки написано «Комендатура».

– Вот, дьяволы, испортили здание, – сказал Громов. – Прямо будто тюрьма!

Иванов вздохнул и ничего не сказал. Обогнув площадь, вездеход въехал в боковую улицу – раньше она называлась Орловской. По обеим сторонам ее стояли небольшие домики, окруженные фруктовыми садами; не раз Стремянной вместе с другими мальчишками делал набеги на здешние яблони и вишни, не раз ему попадало от хозяев, которые его считали грозой своих садов, и это ему очень льстило...

Вдруг его сердце сжалось, и он невольно, до боли прикусил нижнюю губу. Что же это такое? Где улица? Теперь здесь не было ни садов, ни заборов, ни домов – огромный пустырь расстилался вокруг, деревья вырублены, дома разрушены... Остались лишь каменные фундаменты да груды старого кирпича.

– На дрова разобрали, – сказал Иванов, – все пожгли...

Отсюда совсем недалеко до Севастьяновского переулка. Надо только миновать этот длинный пустырь, где словно похоронено его детство, повернуть за сохранившуюся каменную трансформаторную будку – и тут, направо, второй дом от угла...

На трансформаторной будке нарисованы череп и две скрещенные черные молнии. Когда Стремянному было девять лет, он боялся прикоснуться к этой будке – думал, что его тут же убьет.

– Притормозите, – сказал он шоферу. Это было первое слово, которое он произнес с той минуты, как они сели в машину.

Машина остановилась, и Стремянной, круто повернувшись всем корпусом направо, стал пристально разглядывать ничем не приметный одноэтажный деревянный домик, боковым фасадом выходящий на улицу. По обеим сторонам невысокого крылечка в три покосившиеся ступеньки угрюмо стояли старые дуплистые ветлы. Ветра не было, но, повинувшись какому-то неуловимому движению воздуха, ветки их по временам покачивались и роняли на затоптанные ступени клочки легкого, удивительно чистого снега. Стремянной глядел на эти ветлы и молчал, но по тому, как сжались его челюсти, каким напряженным стал его взгляд, оба его спутника сразу поняли, что это и есть тот самый дом, о котором он шутя говорил им в землянке на берегу Дона...

Так прошла, должно быть, целая минута.

– Может, сойдешь, товарищ Стремянной, посмотришь все-таки? – легонько дотрагиваясь до его плеча, негромко спросил Громов.

Стремянной, не оборачиваясь, помотал головой:

– Да нет, не стоит... Там пусто.

– Разве? А смотри-ка, между рамами кринка стоит, и окошко свежей бумагой заклеено. Нет, там, видно, живут...

– Ну, пусть живут... Поворачивай к вокзалу, Варламов.

Машина, подпрыгивая на ухабах и объезжая воронки, выбралась к железнодорожному переезду, пересекла его, с трудом пробралась мимо развалин вокзала и водокачки и очутилась на маленькой привокзальной площади, где до войны посреди круглого сквера стоял памятник Ленину, а сейчас высился лишь один гранитный постамент. Шофер вдруг резко затормозил.

Стремянной, а за ним Иванов и Громов быстро соскочили на землю и сняли шапки. Перед ними на покато́й, занесенной снежком клумбе лежали трупы расстрелянных пленных бойцов. Их было человек двадцать – одни в потрепанных солдатских шинелях, другие в ватниках. В тот миг, когда их застала смерть, каждый падал по-своему, но было какое-то страшное однообразие смерти в этих распростертых телах.

Никто из стоявших над убитыми не заметил, как из-за угла ближайшего дома появился мальчик лет, должно быть, девяти-десяти. Он был одет в коротенькую курточку шинельного сукна, в которой ему было холодно. Он зябко жался. На его ногах были старые, латанные-перелатанные валенки, а на голове рваная солдатская шапка. Мальчик медленно подошел к ограде сквера, сосредоточенно разглядывая приезжих большими серыми глазами. Маленькое, сморщенное в кулачок лицо казалось серьезным, даже строгим.

С минуту он стоял, как будто ожидая, чтобы его о чем-нибудь спросили. Но его не заметили, и он, не дождавшись вопроса, сказал сам:

– Утром расстреляли... Уже часов в девять. Они не хотели уходить.

Громов оглянулся:

– Не хотели, говоришь?

– Ага...

– А где их держали? – спросил Стремянной.

– В лагере.

– А лагерь где?

– Вон там! Все прямо, прямо, до конца улицы, а потом налево, – и мальчик рукой показал, куда надо ехать.

– Ну что ж, товарищи, едем, – сказал Громов.

– Погодите!.. Варламов, есть у тебя что-нибудь с собой?

– Есть, товарищ подполковник! Банка консервов.

– Давай ее сюда! А ну-ка, малыш, подойди поближе!

Мальчик нерешительно подошел.

– Вот возьми. – Стремянной протянул ему белую жестяную банку. – Бери, бери! Дома поешь...

Мальчик взял консервы, личико его осталось серьезным и чуть испуганным, и, не поблагодарив, крепко прижимая банку к груди, он исчез где-то за домами.

– Товарищ подполковник! Товарищ подполковник!..

Стремянной обернулся. К нему бежал командир трофейной команды капитан Соловьев. Он почти задохнулся от сильного бега – после тяжелого ранения в грудь его перевели на нестроевую должность. До сих пор в трофейной команде было не очень-то много работы, но сегодня команда тоже вошла в дело, и Соловьев метался из одного конца города в другой.

– Что такое, – строго спросил Стремянной, – чего вы бегаєте? Что случилось?..

– Товарищ подполковник, – сразу осекшись, доложил капитан, – уже обнаружено пять крупных складов с продовольствием и обмундированием!.. Вон видите церковь? – Он показал на большую старинную церковь с высокой колокольней. – Она почти до самого верха набита ящиками с консервами, маслом, винами... Не только нашей дивизии, всей армии на месяц продовольствия хватит!..

– Поставьте охрану! – сказал Стремянной. – Противник еще недалеко, всякие неожиданности могут быть. Без моего разрешения никому ни капли!

– Слушаюсь! Ни капли! – Соловьев козырнул, быстро повернулся и побежал назад.

А Громов, Иванов и Стремянной зашагали к своей машине.

– Куда же теперь? – спросил Иванов. – В лагерь, что ли?

– Дело! Поехали.

Едва успели они занять места в машине, как на площадь из боковой улицы вышли несколько солдат с автоматами. Они вели двух пленных гитлеровцев. Немцы, в одних куцых мундирах с поднятыми воротниками, брели, поеживаясь от холода.

Стремянной невольно остановил глаза на одном из пленных. Это был уже немолодой человек, плотный, в темных очках. Должно быть, почувствовав на себе чужой внимательный взгляд, эсэсовец поднял плечи и отвернулся. В эту минуту шофер включил скорость, и машина тронулась, оставив далеко позади и пленных, и конвой.

Вдруг рука Иванова в толстой теплой варежке легонько коснулась плеча Стремянного.

Стремянной обернулся.

– Музей тут, на углу!.. – сказал Иванов. – Давай остановимся на минутку.

Они подъехали к двухэтажному каменному зданию, облицованному белыми керамическими плитками. Через весь фасад тянулась темная мозаичная надпись: «Городской музей».

Высокая дубовая дверь, открытая настежь, висела на одной петле.

Пологая лестница с полированными резными перилами была засыпана кусками штукатурки, затоптана грязными ногами.

Стремянной, Иванов и Громов поднялись по широким ступеням и вошли в первый зал.

Он был пуст. Из грязно-серой штукатурки торчали темные крюки – с них свисали узловатые обрывки шнуров. Кое-где поблескивали золоченым багетом рамы, обрамлявшие не картины, а квадраты и овалы пыльных, испачканных стен. На полу валялись обломки досок, куски мешковины, рассыпанные гвозди...

– Н-да, – тихо сказал Громов и, невольно стараясь приглушить звук шагов, гулко раздающихся в пустом здании, осторожно двинулся вперед.

Все трое пересекли зал, вошли в следующую комнату и невольно остановились на пороге.

В углу, склонившись над большим дощатым ящиком, стоял, согнув сутулые плечи, маленький старичок в меховой потертой куртке и что-то озабоченно перебирал длинными худыми пальцами. Старик был совершенно плешив, но лицо его обросло давно не стриженной седой бородой, которая острым клинышком загибалась кверху.

Услышав за спиной шаги, он как-то по-птичьи, одним глазом, поглядел на вошедших и вдруг, круто повернувшись, в радостном изумлении развел руками, не выпуская из них двух маленьких, окантованных черным картинок.

– Сергей Петрович!.. Товарищ Громов!.. – с трудом выговорил он задрожавшим от волнения голосом. – Вернулись!.. Вот это хорошо! Вот это отлично!..

– Это что! – сказал Иванов, и Стремянной едва узнал его голос, так много послышалось в нем радости и простого человеческого тепла. – Отлично, что вы целы и невредимы, Григорий Фомич. Только одного не пойму, что вы тут в этой разрухе делаете?

– Как это «что»? – Старик с удивлением посмотрел на Иванова сквозь очки, косо насаженные на тонкий, чуть кривой нос. – Как это что? На службу пришел. Ведь с сегодняшнего дня в городе – советская власть, если не ошибаюсь...

– Замечательный вы человек, Григорий Фомич, – сказал Громов, подходя к ящику. – И замечательно, что вы остались живы...

– Жив! – Старик горестно покачал головой. – Я-то жив, да вот музей умер. Опоздали вы, товарищи!.. На один день опоздали... А ведь я обо всем подробно в письме сообщал.

– Да, да, мы его получили, – мрачно сказал Иванов, – но с опозданием. Свяznego, когда он переходил линию фронта, тяжело ранили... Значит, все лучшее они увезли?..

– Положим, не все! – запальчиво сказал старик. – Кое-что сохранить мне удалось. – Он повернулся и показал на несколько акварелей, которые уже успел разложить под стеклом витрины, стоявшей под окном. – Смотрите сами, вот... Больше никак невозможно было...

Все трое склонились над витриной. Так странно было видеть в пустоте этих грязных, запущенных зал нежную голубизну акварельного моря, тонкий профиль женщины в пестрой шали, солнечные пятна, играющие на сочной зелени молодой рожи...

– Акварели эти я по одной выносил, – словно извиняясь, сказал старик и ласково положил на край витрины свою сухую руку – под тонкой пергаментной кожей синели набухшие склеротические вены, – вынимал из витрины и сюда, на грудь, под рубашку... – Он показал, как это делал; быстро оглянувшись, распахнул и сейчас же опять запахнул куртку, и в этом его движении было столько трогательного и вместе с тем печального, что Стремянной невольно вздохнул и отвел глаза, словно это он был виноват в том, что не поспел вовремя и дал возможность гитлеровцам ограбить музей.

Он прошелся по залу среди беспорядочно нагроможденных, наскоро сколоченных ящиков и остановился возле того большого, над которым трудился Григорий Фомич, когда они только что вошли сюда.

– А тут у вас что? – спросил он. – Похоже, что картины.

– Да, картины, – вздохнув, сказал старик. – Очень порядочные, добросовестные копии... Конечно, хорошо, что хоть это осталось. Но, сказать по совести, я бы их все отдал за те десять драгоценных полотен, что они увезли...

– А из современного что-нибудь уцелело? – спросил Громов.

– Ничего, – ответил Григорий Фомич. – Это они сразу уничтожили. Уж лучше и не напоминайте.

– Ну, а что же у вас в других ящиках? – поинтересовался Иванов.

– Да то, что было в верхнем этаже, – ответил старик. – Старинная утварь, оружие пугачевцев, рукописные книги... Ну и всякое прочее... Как видите, собирались забрать все до нитки. А когда туго пришлось, схватили самый лакомый кусок – и давай бог ноги. Это уж осталось. Времени, видно, не хватило...

– Все-таки хотел бы я знать, кто здесь орудовал, – сказал сквозь зубы Стремянной. – Может, еще доведется встретиться...

Громов с усмешкой поглядел на него:

– Не позавидовал бы я ему в таком случае... А как вы считаете, Григорий Фомич, чья эта работа?

Старик пожал плечами:

– Да скорее всего бургомистра Блинова, он тут у нас главным ценителем искусства был. Ведь у меня, помните, все было подготовлено к эвакуации, свернуто, упаковано. А он, разбойник, обратно развесить заставил... Ценитель искусства!.. И верно, ценитель. С оценщиками сюда приходил. Для каждой картины цены установил в марках... А впрочем, не поручусь, что именно он вывез. Охотников до нашего добра здесь перебивало много!..

– А в народе не заметили, кем и в каком направлении вывезены картины? – опять спросил Громов. – Люди ведь все замечают. Вы не расспрашивали?

– Расспрашивал, – грустно ответил старик. – Но ведь это ночью было, а нам ночью выходить на улицу – верная смерть. Сами знаете. Однако подглядел кое-кто, как этот мерзавец Блинов грузился. Запихивали к нему в машину какие-то тюки. А что там было – картины или шубы каракулевые – это уж он один знает... А вот я знаю, что нет у нас больше самых лучших картин. И все... – Он отвернулся и громко высморкался.

Все минуту молчали.

Иванов озабоченно потер темя.

– Так, так... Ну что ж, Григорий Фомич, приходите завтра ко мне этак часам к двенадцати. Поговорим, подумаем...

– Куда прийти-то? – спросил старик.

– Известно куда, в горсовет. Он ведь уцелел.

– На старое место? Это приятно. Приду. Непременно приду.

Пожав худую холодную руку старика, все трое двинулись к выходу. А он, склонив голову набок, долго смотрел им вслед. И на лице у него было какое-то странное выражение – радостное и грустное одновременно.

– В лагерь! – коротко приказал Стремянной, когда все снова сели в машину.

Но в эту минуту из-за угла опять появился капитан Соловьев. Чтобы не сердить начальника штаба, он старался не бежать и шагал какими-то особенно длинными, чуть ли не полутораметровыми шагами.

– Товарищ подполковник! – возбужденно начал он, подойдя к машине и положив руку на ее борт. – Мы обнаружили местное казначейство...

– Казначейство? – с интересом переспросил Иванов и с непривычной для него живостью стал вылезать из машины. – Где же оно? А ну-ка, проводите меня туда!..

– Да что там, в этом казначействе? – Стремянной с досадой пожал плечами. – Как-нибудь гитлеровские кредитки, вероятно... – Ему не хотелось отказываться от решения ехать в лагерь.

– Нет, там и наши советские деньги есть, огромная сумма, – их сейчас считают. Но, главное, знаете, что мы нашли? – Соловьев вытянул шею и сказал таинственным полусшепотом: – Наш несгораемый сундук! Помните, который под Воронежем при отходе пропал?..

– Да почему вы думаете, что это тот самый?

– Ну как же!.. Разве я один его узнал? Все наши говорят, что это сундук начфина Соколова.

Стремянной недоверчиво покачал головой:

– Сомневаюсь. А где он стоит, этот ваш знаменитый соколовский сундук? В казначействе, говорите?

– Никак нет. Он тут, рядом.

– Рядом? Как же он сюда попал?

– Очень просто, товарищ подполковник. Немцы его вывезти хотели. Погрузили уже... Вы, может, заметили – там, на углу, автобус стоит с драконами. Так вот, в этом самом автобусе... Ох, и махина! Едва вытащили...

– Интересно, – сказал Стремянной. – Неужели и вправду тот самый сундук? Не верится...

– Тот самый, товарищ подполковник. – Соловьев для убедительности даже приложил руку к сердцу. – Все признают. Да вы сами поглядите! Или сначала прикажете в казначейство?

Стремянной, словно советуясь, посмотрел на Громова и вышел из машины.

– Хорошо... Посмотрим, пожалуй, сначала на казначейство, а потом и на сундук, – сказал он. – Только побыстрее. Надо успеть еще до темноты осмотреть концлагерь.

Глава пятая

Снова кованый сундук

Казначейство гитлеровцы устроили в том же трехэтажном каменном доме, где до войны располагалось городское отделение Государственного банка.

Когда Стремянной и Громов вошли в операционный зал, первым, что они увидели, был большой письменный стол, заваленный целиком грудями денег. Рядом стоял часовой, а вокруг – за соседними столами – штабные писари считали ассигнации и тут же заносили подсчитанные суммы в ведомости.

Над кассой висело еще не сорванное объявление бургомистра:

«Господа налогоплательщики! Помните, ваш долг вносить налоги в установленные городским управлением сроки. Уклоняющиеся будут рассматриваться немецким командованием как саботажники, подлежащие отдаче под суд».

Соловьев бодро, слегка выпятив грудь, шагал впереди Стремянного. Он был очень доволен, что тот отозвался на его приглашение осмотреть казначейство. Что ни говори, а приятно показать начальству, как четко организовано у тебя дело и в каком безупречном порядке происходит учет трофеев.

– Деньжищ-то, деньжищ! – высоко подняв светлые брови и оглядев столы, сказал Иванов. – Сколько же их тут примерно? – спросил он у старого усатого писаря, очевидно из счетных работников. Старик ловко управлялся с делом – ассигнации так и мелькали у него в руках, – и стопка туго перевязанных шпагатом пачек росла прямо на глазах.

– Да уж миллион семьсот тысяч, – усмехнулся писарь, обвязывая веревкой очередную пачку сотенных бумажек. – А вообще-то не очень много – всего миллионов пять-шесть будет.

– Нечего сказать – мало! – удивился Иванов. – Да это же целый бюджет!

Громов обошел вокруг стола, взял сотенную бумажку в руки и стал ее пристально рассматривать.

– А не кажется ли вам подозрительным, – обратился он к Стремянному, – что здесь так много совершенно новых, даже неизмятых денег?

– Что ты хочешь сказать, Илья Данилыч? – спросил Иванов и тоже взял одну из новеньких ассигнаций. – Думаешь, деньги фальшивые?

– Возможно.

– Думаешь, нарочно их сюда подбросили?

– Это надо проверить, – ответил Громов.

– Гм... – Иванов взял в руки несколько ассигнаций и, склонив голову набок, будто любясь, стал их рассматривать.

– Что ж, устроим экспертизу, – предложил Стремянной. – Разумеется, так пускать их в обращение не следует.

– Никакой экспертизы не надо, – сказал Иванов. – И так ясно – деньги фальшивые.

– Почему ты так уверен, Сергей Петрович? – повернулся к нему Громов.

– Да уж уверен... Ну-ка, посмотри еще разок, да повнимательнее, и ты сейчас уверишься.

Громов, вытащил из пачки одну ассигнацию и стал пристально ее разглядывать. Он вертел ее и так и этак, смотрел на свет, пробовал плотность бумаги пальцами. По его примеру Стремянной тоже взял одну сотенную, вытащил из кармана другую и стал тщательно сличать обе ассигнации. Так прошло несколько минут.

– Нет, – наконец сказал Громов. – Ничего не вижу. Деньги как деньги!..

– Ну а ты, Стремянной, что скажешь?

– Да что сказать? Выдай мне этими деньгами зарплату – возьму без всяких сомнений.

– Эх вы, эксперты!.. Давайте-ка сюда! – Иванов отобрал у них ассигнации и сложил вместе. – Смотрите!.. Видите?.. Номера и серии на них одинаковые!.. На этой бумажке серия ВС 718223 и на другой тоже. Я просмотрел целую пачку новых денег – и все с одним номером...

– Ай да Сергей Петрович! – воскликнул Громов. – Смотри, как просто, а?.. И ведь не догадаешься...

– Что же нам с этими деньгами делать? – озабоченно спросил Стремянной.

– Сжечь, понятно, – сказал Громов, – а несколько кредиток пошлем в Москву для изучения...

– Правильно!.. Капитан! – Стремянной подозвал к себе капитана Соловьева, который в эту минуту складывал плотно увязанные пачки денег в брезентовый мешок. – Проверьте деньги как можно тщательнее. Если есть настоящие, отделите их.

– А у нас это уже сделано, товарищ подполковник, – доложил Соловьев. – Начфин Барабаш с самого начала распорядился новые бумажки пересчитать отдельно. А как прикажете поступить с настоящими деньгами?

– Сколько их, кстати?

– Сто пятьдесят шесть тысяч.

– Сдайте их в нашу финансовую часть, товарищ Соловьев! Майору Барабашу.

– Слушаюсь, товарищ подполковник! Будет сделано.

– Ну а теперь давайте поглядим на сундук, – сказал Стремянной и направился к двери, подав знак Соловьеву следовать за ним.

На этот раз им не пришлось ехать на машине.

Соловьев провел их какими-то проулками, дворами и огородами на соседнюю улицу. Через несколько минут они шли мимо недавнего пожарища, среди обожженных, почерневших от пламени лип и берез. Перед ними беспорядочно громоздились обглоданные огнем балки, груды битого кирпича и совсем неузнаваемой, искореженной, потерявшей всякий облик утвари...

– Постойте, товарищи! – сказал Стремянной оглядываясь. – Куда это вы нас ведете? Ведь это, если не ошибаюсь, было здание сельскохозяйственного техникума? А теперь и не догадаешься сразу! Какой тут сад был до войны – красота!..

– А гитлеровцы что здесь устроили? – спросил Громов.

– Городское гестапо, – ответил Соловьев. – Место, понимаете сами, укромное, и участок большой...

Громов молча кивнул головой.

– Ну а где же сундук? – спросил Стремянной.

– А мы его вон в ту проходную будку внесли, где охрана гестапо была. Я около него человека оставил.

– Ладно. Посмотрим, посмотрим...

Они пересекли сад и вошли в небольшой деревянный домик у самых ворот, выходящих на улицу.

Узенький коридорчик, фанерная перегородка с окошком, наглухо закрытым деревянным щитом, а за перегородкой – небольшая комната. В одном углу – железная печка, в другом – грубо сбитый, измазанный лиловыми чернилами стол.

Посередине комнаты стоял сундук. Присев на его край, боец в дубленом полушубке неторопливо скручивал козью ножку. При появлении Стремянного он встал.

– Ну-ка, ну-ка, покажите мне этот сундук, – весело сказал Стремянной. – А ведь в самом деле наш!.. Вот это находка! Никак не ожидал, что еще придется его увидеть.

Он наклонился, провел рукой по крышке, ощупывая железные полосы с частыми бугорками заклепок и целую россыпь затейливых рельефных бляшек, изображающих то звездочку, то ромашку, то морскую раковину.

А в это время Иванов деловито осматривал сундук. Не видя никаких признаков замка и замочной скважины, он только по затекам сургуча на стенках установил, в каком месте крышка отделяется от ящика.

– Не понимаю все-таки, как этот сундучище открывается? – спросил он.

– А вот сейчас увидите, – ответил Стремянной, продолжая ощупывать крышку и что-то на ней разыскивая. – Ага!.. Вот ковш... А вот и ручка... Большая Медведица...

– Какая еще медведица? – удивился Громов.

– Минуточку терпения!..

Стремянной нажал несколько заклепок, повернул какую-то ромашку налево, какую-то раковину направо и свободно поднял тяжелую крышку сундука.

– Наш! – сказал он торжествуя. – Но содержимое не наше.

Все заглянули в сундук. Он был доверху полон разнообразными вещами, в лихорадке последних сборов кое-как засунутыми в него. Соловьев нагнулся и вытащил меховую муфту.

– Так! – сказал Громов.

После муфты на свет появился старинный серебряный кофейник, целая связка подстанников, большая наволочка, набитая столовым серебром – ложками; ножами, кольцами для салфеток, сахарными щипцами и лопатками для пирожного. Затем был извлечен газетный сверток, в котором оказалось двенадцать пар золотых часов, ручных и карманных, и еще много самых разнообразных предметов; объединяло их между собой только одно качество – их ценность.

– Ничего себе, нахапал, собака! – сказал Иванов. – А ты, Стремянной, еще говоришь: «Содержимое не наше». Как это – не наше? Все наше! У нас наворовал. А что, больше там ничего нет?

– Есть, – ответил Соловьев и вытащил из сундука несколько папок с документами.

– Все больше по-немецки, – сказал Громов, раскрыв одну из папок и просмотрев несколько документов. – А вот это интересно! Смотрите-ка, смотрите, тут есть один любопытный документик – предписание направлять народ на постройку военных укреплений. Забирай, товарищ Стремянной. Пускай сначала у вас в дивизии посмотрят, а потом нам вернут...

Стремянной быстро взял протянутый Громовым документ и торопливо пробежал его глазами. Но первые же строки напечатанного на машинке текста разочаровали его. Это был русский перевод приказа генерала Шварцкопфа, начальника штаба эсэсовской дивизии, бургомистру города Блинову. В приказе предлагалось усилить подвоз рабочей силы в район строительства укреплений. Документ был уже двухмесячной давности, и если представлял некоторую ценность, то лишь как свидетельство того, что противник не приостанавливал работ даже в самые лютые декабрьские морозы. Следовательно, гитлеровское командование возлагало на эти укрепления большие надежды. Ничего более существенного в двадцати строках приказа найти было нельзя.

Стремянной внимательно пересмотрел все остальные документы, лежавшие в папке, но ни одного, касавшегося укрепленного района, среди них не было.

Он засунул документы в полевую сумку и повернулся к Соловьеву:

– Ну, капитан, составляйте опись вещей, да смотрите, чтобы ничего не пропало. Потом по описи надо будет передать в горсовет. Может, и хозяева еще найдутся, если только живы, – и он захлопнул крышку опустевшего сундука. – Идем, товарищи.

– Постой, постой, – сказал Иванов, – объясни сперва, как он открывается.

– Это довольно-таки мудреное дело. Надо немножко знать астрономию. Ну, представляете вы себе Большую Медведицу?

– Нет, серьезно! – сказал Иванов. – Без магии, пожалуйста!

– Да я без магии. Просто замок здесь устроен довольно своеобразно. Для того чтобы открыть сундук, надо нажать несколько заклепок. Их тут множество, и почти все заклепки

как заклепки. А семь штук фальшивые. Это, по существу говоря, кнопки, а не заклепки. Они поддаются нажиму. Но и нажимать их надо в определенном порядке: сперва третью кнопку в первом ряду – вот здесь, в центре железной полосы, потом шестую – во втором, пятую – в третьем; потом вот эту, эту, эту, – как видите, все кнопки расположены по контуру Большой Медведицы. И никакой магии. Теперь, для того чтобы окончательно открыть замок, мы поворачиваем эту ромашку и эту раковину... Вот и все – сундук открыт.

– Чудеса! – сказал Иванов. – И какой мудрец это выдумал! Ну, скажи ты мне, зачем вы эту редкость в части держали? Не проще ли было завести обыкновенный сейф?

– Проще-то проще, да начфин у нас, говорят, романтиком был. Я-то вместе с ним совсем немного проработал. А сундук этот к нам от испанцев как будто попал, когда наша дивизия прошлой весной на Ленинградском фронте действовала. Разбили одну их часть, а штаб захватили, вместе с казначеем и его сундуком. Вот мы и получили этот сундук в качестве трофея...

– Бывает... – Громов поглядел на сундук. – У вещей тоже есть своя судьба, как у людей. Интересно, как он сюда попал, в оккупированный город? Кому напоследок служил?..

– Да я и сам хотел бы знать. Странная эта история, товарищи, – ответил Стремянной. И он вкратце рассказал Иванову и Громову о событиях под Воронежем и о той обстановке, в которой пропал сундук.

– Действительно, странно, – согласился Громов. – И вы о Соколове никогда больше не слышали?

– Нет.

– Погиб, вероятно...

Стремянной покачал головой:

– Может быть, может быть... Одного только я не могу взять в толк. Сундук-то ведь цел. Стало быть, гитлеровцы узнали его секрет. Не стали же они испанцев запрашивать!

Они двинулись по тропинке обратно к машине. Вдруг между двумя обугленными деревьями проглянула стена соседнего дома. Стремянной невольно остановился. Таким странным ему показался этот кусочек свежеевыкрашенной зеленой стены рядом с унылой чернотой обгорелых развалин.

– Это еще что такое? – спросил он. – Кто тут жил?

– А бургомистр здешний, – ответил всезнающий Соловьев. – Прежде тут, говорят, ясли были, а потом он свою резиденцию устроил.

– Резиденцию, говорите? – усмехнулся Громов. – Интересно, где-то у него теперь резиденция! Наверно, в овраге каком-нибудь!..

– Да и то ненадолго, – бросил через плечо Стремянной и быстрее зашагал вперед.

Глава шестая

Концлагерь «ОСТ-24»

К воротам концлагеря Стремянной подъехал один. Времени было мало, забот – много, и, выбравшись на улицу из полуобгорелого сада, окружавшего развалины гестапо, Иванов и Громов простились со своим спутником.

Громов поехал в железнодорожные мастерские. Иванов зашагал к себе в горсовет, с фасада которого уже была сорвана вывеска «Городская Управа».

Разыскать лагерь было не так-то просто.

Сначала Стремянной уверенно указывал шоферу путь, но оказалось, что там, где прежде была проезжая дорога, теперь машину чуть ли не на каждом повороте задерживали то противотанковые надолбы, то густые ряды колючей проволоки, протянутой с угла на угол, то глубокие воронки от бомб...

В конце концов Стремянной махнул рукой и предоставил шоферу добираться до места как знает – на свое усмотрение и на свой страх. Шофер попросил у начальника папиросу, поговорил на ближайшем углу со стайкой мальчишек, вынырнувших из какого-то тупичка, а потом тихонько, ворча себе под нос и браня рытвины и ухабы, принялся петлять среди пустырей, улочек и проулков, руководствуясь не столько полученными указаниями, сколько безошибочным инстинктом опытного водителя, привыкшего в любых обстоятельствах, белым днем и темной ночью, доставлять начальство куда приказано.

Наконец, он свернул в последний раз, нырнул в какой-то ухаб и опять вынырнул из него... – Приехали, товарищ подполковник.

Так вот оно – это проклятое место!

Широкие ворота раскрыты настежь. Рядом с ними к столбу прибит деревянный щит с немецкой надписью «ОСТ-24».

Под концлагерь немцы отвели две окраинных улицы и обнесли их высокой изгородью из колючей проволоки.

Машина медленно въехала в ворота. Стремянной соскочил на землю и остановился, оглядываясь по сторонам. Год тому назад эти улицы были такие же, как соседние. Ничего в них не было особенного. Те же домишки, палисадники, дворы, летом заросшие травой, а зимой заваленные снегом... А теперь? Теперь все здесь стало совсем другим. Просто невозможно представить себе, что он, Егор Стремянной, когда-нибудь уже ступал по этой земле. А ведь это было – и сколько раз было!..

Помнится, как-то осенью, перед войной, он возвращался по этой самой улице домой с охоты. Был вечер. На лавочках у ворот сидели старушки. Мальчишки, обозначив положенными на землю куртками ворота, гоняли футбольный мяч. Его собака вдруг, ни с того, ни с сего, кинулась навстречу мячу. Мяч ударился об нее и отлетел в сторону. Все засмеялись, закричали: «Вот это – футболист!» А он шел враскачку, приятно усталый и что-то насвистывал... Нет, не может быть! Как он мог свистеть на этой улице? Да ведь тут и слова сказать не посмеешь...

Стремянной медленно обвел глазами серую шеренгу домиков с грязно-мутными, давно не мытыми окошками.

Домики казались вымершими. Ни одного человека не было видно на пустынной дороге, ни один дымок не поднимался над крышами.

Ему захотелось поскорее уехать отсюда, поскорее опять окунуться с головой в горячую и тревожную суматоху оставленной за воротами жизни. Но он сделал над собой усилие, снял руку с борта машины, пересек дорогу и, поднявшись по щелястым ступеням, вошел в ближайший к воротам домик.

Его сразу же, как туман, охватил мутный сумрак и тяжелый дух холодной затхлости. В домике пахло потом, прелой одеждой, гнилой соломой. Большую часть единственной комнаты занимали двойные нары. В углу валялась куча какого-то грязного тряпья, закопченные консервные банки – в них, видно, варили пищу.

Стремянной с минуту постоял на пороге, осматривая все углы, – нет ли человека.

– Есть тут кто-нибудь? – спросил он, чтобы окончательно удостовериться, что осмотр его не обманул.

Ему никто не ответил. Он стал переходить из одного домика в другой. Всюду было одно и то же. Грязное тряпье, консервные банки, прелая солома на нарах... Иногда Стремянной замечал забытые в спешке вещи – солдатский котелок, зазубренный перочинный нож, оставленный на подоконнике огарок оплывшей свечи. Все это выдавало торопливые ночные сборы. Кто знает, чей это был нож, чей котелок, кому в последний вечер светила эта стеариновая оплывшая свеча?..

Входя в очередной домик, Стремянной всякий раз повторял громко: «Есть тут кто-нибудь?» И всякий раз вопрос его оставался без ответа. Он уже перестал думать, что кто-нибудь отзовется.

И вдруг в одном из домиков – не то в пятом, не то в шестом – с верхних нар послышался слабый, тихий голос:

– Я здесь!..

Стремянной подошел к нарам, заглянул на них, но в полутьме ничего не увидел.

– Кто там?

– Я...

– Да кто вы? Идите сюда!..

– Не могу, – так же тихо ответил человек.

– Почему не можете?

– Ноги поморожены...

В глубине на нарах зашевелилась, зашуршала солома и показалась чья-то всклокоченная голова, потом плечо в старой, порванной военной гимнастерке, и человек со стоном подполз к самому краю нар.

– Подожди, я тебе помогу, – сказал Стремянной, встал на нижние нары, одной рукой ухватился за столб, на котором они держались, а другой обнял плечи человека и потянул его на себя.

Человек застонал.

Тогда Стремянной правой рукой обхватил плечи человека, левую подsunул ему под колени и снял его с нар. Человек почти ничего не весил – так он был изнурен и худ. Он сидел на нижних нарах, прислонившись спиной к стене, и тяжело дышал. В надвигавшихся сумерках Стремянной не мог ясно разглядеть его лицо, обросшее давно не бритой бородой. Натруженные, в ссадинах руки бессильно лежали на коленях. Ноги в черных сапогах торчали, как неживые.

– Вы кто такой? – спросил Стремянной.

– Пленный я... На Тиме в плен попал, – сквозь стон ответил солдат. А руки его все время гладили колени, остро выступавшие из-под рваных брюк.

– Ну а с ногами-то у вас что? Сильно поморозили?

– Огнем горят... Ломят... Терпенья нет. – Человек минуту помолчал, а потом, пересилив боль, сказал сквозь зубы: – Мы на строительстве укрепрайона были. Нас сюда цельные сутки по морозу пешком гнали. А обувь у нас какая? Никакой...

– Послушайте, послушайте-ка, – сказал Стремянной, – какой это укрепрайон? Тот, что западнее города?

– Да, как по шоссе идти...

- Далеко это отсюда?
– Километров сорок будет... У села Малиновка...
– Что же вы там делали?
– Да что... доты строили... рвы копали... Ох, товарищ начальник, сил у меня больше нет...
– Сейчас отвезу вас в госпиталь, – сказал Стремянной, – там вам помогут... А сумеете вы на карте показать, где эти доты?
– Надо быть, сумею...
– А как же вы здесь оказались?
– А нас сюда назад пригнали.
– Когда?
– Да уж четверо суток скоро будет.
«Четверо суток! – прикинул про себя Стремянной. – Значит, это было еще до наступления».
– Где же остальные?
– Увели. Ночью... А куда, не знаю... Ой, ноги, ноги-то как болят! – Он крепко обхватил свои ноги и замер, чуть покачиваясь из стороны в сторону.
Стремянной вынул из кармана фонарик и осветил ноги солдата. Ему стало не по себе. То, что он принял за сапоги, на самом деле были босые ноги, почерневшие, объятые гангреной...
– Вот несчастье!.. Держись-ка, друг, за мои плечи. – Стремянной поднял солдата и вынес его на крыльцо.
Он посадил его на заднее сиденье машины, укрыл одеялом, которое всегда возил с собой, а сам сел рядом. Машина тронулась.
– Ты из какой дивизии? – спросил Стремянной солдата, с щемящей жалостью рассматривая его всклокоченную рыжую бороду и лицо, изрезанное глубокими морщинами.
Что-то похожее на улыбку промелькнуло по лицу солдата.
– Да из нашей, из сто двадцать четвертой, – тихо ответил он.
– А в какой части служил?
– В охране штаба...
Стремянной пристально взглянул на солдата.
– Еременко! – невольно вскрикнул он, и голос у него дрогнул. В сидящем перед ним старом, изможденном человеке почти невозможно было узнать того Еременко, который всего год назад мог руками разогнуть подкову.
– Я самый, товарищ начальник, – с трудом выдохнул солдат.
– А меня признаешь?
– Ну как же!.. Сразу признал...
Тут машина вздрогнула на выбоине дороги, Еременко ударился ногами о спинку переднего сиденья и тяжело застонал.
– Осторожнее ведите машину! – строго сказал Стремянной шоферу.
Машина замедлила бег. Теперь шофер старательно объезжал все бугры и колдобины. Еременко сидел, завалившись на сиденье, с закрытыми глазами, откинув голову назад.
Так вот оно что! Теперь Стремянной вспомнил все. Еременко и был тем вторым автоматчиком, который исчез одновременно с начфином. По всей вероятности, он знает, куда делся Соколов.
Стремянной осторожно положил руку на плечо солдата.
– Товарищ Еременко... А товарищ Еременко... Не знаете ли вы, что с Соколовым? Где он?
Солдат молчал.

Стремянной дотронулся до его руки. Она была холодна. И только по легкому облачку пара, вырывавшегося изо рта, можно было догадаться, что он еще жив.

Через четверть часа Еременко был доставлен в полевой госпиталь, занявший все три этажа каменного здания школы. Еще через полчаса его положили на операционный стол, и хирург ампутировал ему обе ноги до колен...

Глава седьмая

События развиваются

Над городом сгушались сумерки. Издалека ветер доносил едва слышный рокот артиллерийской канонады. Это соседняя армия выбивала противника из укрепленного района. На площади стучали кирки, врезаясь в мерзлую землю, – взвод саперов копал братскую могилу для расстрелянных гитлеровцами солдат. Назавтра Ястребов назначил торжественные похороны.

По опустевшим улицам ходили патрули. Изредка проезжали машины с синими фарами. Разведка донесла Ястребову, что гитлеровцы, отступив к Новому Осколу, окапываются и подвозят резервы. Возможно, что они в ближайшие дни попытаются перейти в наступление.

Ястребов попросил командующего армией разрешить ему продолжать преследование противника. Однако в штабе армии были какие-то свои планы. Ястребову приказали организовать крепкую оборону города и ждать дальнейших указаний.

Стремянной, сидя за своим рабочим столом, разговаривал по телефону с командирами полков, когда с радиостанции ему принесли телеграмму из штаба армии. По тому, как улыбался сухопарый лейтенант, подавая ему листок с уже расшифрованным текстом, он понял, что его ждет какое-то приятное и значительное известие.

И действительно, телеграмма была очень приятная. Стремянной быстро пробежал ее глазами, невольно сказал: «Ого!» – и вышел в соседнюю комнату, где полковник Ястребов беседовал со своим заместителем по политической части – полковником Корнеевым, невысоким, коренастым, медлительным и спокойным человеком, любителем хорошего табака и хорошей шутки.

Они сидели за столом, на котором лежали оперативные сводки и карты, впрочем, тщательно сейчас прикрытые, так как в комнате находился посторонний человек в штатском. Ему было, вероятно, лет под пятьдесят (а может быть, и меньше – месяцы, прожитые в оккупации, стоили многих лет жизни). Его темные, когда-то пышные волосы были так редки, что сквозь них просвечивала кожа, щеки покрывала седая щетина. Одет он был в старое черное пальто, из-под которого виднелись обтрепанные серые летние брюки. На носу у него кое-как держались скрепленные на переносице черными нитками, сломанные надвое очки с треснувшим левым стеклышком. Разговаривая с командирами, человек время от времени поглядывал на телефониста, который, сидя в углу, ел из котелка суп.

В стороне, у окна, стоял начальник особого отдела дивизии майор Воронцов. Он был одного возраста со Стремянным, но выглядел значительно старше – может быть, оттого, что имел некоторое расположение к полноте. Слегка прищутив свои небольшие карие глаза, он спокойно курил папиросу, внимательно и с интересом слушая то, что рассказывал человек в пальто. В руках он держал несколько фотографий, уже, очевидно, им просмотренных, выжидая, пока Ястребов и Корнеев просмотрят другие и обменяются с ним.

Мельком взглянув на постороннего, Стремянной подошел к Ястребову и, сдерживая улыбку, громко произнес:

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться!..

Ястребов удивленно и строго посмотрел на него.

– Бросьте эти шутки, Стремянной!.. У нас тут дело поважнее... Познакомьтесь. Это – местный фотограф. Он принес нам весьма интересные снимки... Их можно будет кое-кому предъявить, – и Ястребов протянул Стремянному пачку фотокарточек.

Стремянной взял у него из рук десятков свежих, еще не совсем высохших фотографий, отпечатанных на матовой немецкой бумаге с волнистой линией обреза. На этих фотографиях были сняты эсэсовцы так, как они любили обыкновенно сниматься. На одной – во время игры в мяч, без мундиров, в подтяжках, с засученными до локтей рукавами рубашек. На другой –

они сидели вокруг стола в мундирах при всех регалиях и дружно протягивали к объективу аппарата стаканы с вином. Среди них было несколько женщин. На третьей – гитлеровцы были сняты в машине; каски и фуражки низко надвинуты на глаза, на коленях – автоматы. Не забыли они сняться и у подножия виселицы в самый момент казни, на кладбище – среди уходящих вдаль одинаковых березовых крестов...

На этих же фотографиях – то сбоку, то на заднем плане – виднелись какие-то штатские. Они, видимо, тоже участвовали в происходящем, но чувствовалось, что это люди подчиненные, зависимые, и между ними и их хозяевами – огромная дистанция.

– Да, эти фото нам будут очень полезны, товарищ генерал, – согласился Стремянной и, отступив на шаг, незаметно для Ястребова передал за его спиной телеграмму замполиту.

– Опять – генерал! – уже рассердился Ястребов.

– А что, собственно, вы, товарищ генерал, придираетесь к начальнику штаба? – сказал, улыбаясь, Корнеев. – По-моему, он совершенно прав, вы и есть генерал... Вот, смотрите! – И он протянул Ястребову телеграмму. – За освобождение города вам присвоено звание генерал-майора и вы награждены орденом Красного Знамени...

– А дивизия?.. – спросил Ястребов.

– Никого не забыли, Михал Михалыч. А дивизии объявлена благодарность. Приказано наградить всех отличившихся, – сказал Стремянной, уже не сдерживая своей радости.

Ястребов читал телеграмму долго-долго и почему-то сердито сдвинул брови. Наконец, прочел и отложил в сторону.

– Прямо невероятно, – сказал он вполголоса, – четыре события, и все в один день!

– Три я знаю, товарищ генерал. – Стремянному ново и даже как-то весело было называть генералом Ястребова, который всего несколько месяцев тому назад был подполковником, а в начале войны – майором. – Первое событие – освобождение города! Второе – присвоение вам звания генерала... Третье – орден... А четвертое?..

– Ну, это – самое незначительное! – смущенно сказал Ястребов. – Мне сегодня исполнилось сорок пять лет!..

– Поздравляю, Михал Михалыч! – сказал Корнеев, крепко пожимая ему руку. – Отметить это надо!.. Такие дни бывают раз в жизни!..

– И я вас поздравляю, товарищ полк... – Стремянной вдруг сбился, махнул рукой и обнял Ястребова, – дорогой мой товарищ генерал!..

Ястребов с трудом высвободился из его могучих объятий.

– Ладно, – шутливо сказал он. – Поздравления принимаю только с цветами... Давайте покончим с делом. Спасибо вам, товарищ Якушкин, – обратился он к фотографу, который все это время безмолвно стоял в стороне, однако всем своим видом участвуя в том, что происходило в комнате. – Вы поступили совершенно правильно, передав в руки командования эти фотографии. Благодарю вас за это! Я вижу, трудно вам тут было... Вот вам записка, – Ястребов нагнулся над столом и, взяв листок бумаги, написал на нем несколько слов. – Идите к начальнику продовольственного снабжения – он выдаст вам паек...

– Спасибо, спасибо, товарищ генерал, – Якушкин широко улыбнулся, обнажив длинные желтые зубы, пожал всем по очереди руки и направился к дверям.

– Ну, Воронцов, – обратился к майору Ястребов, когда дверь за Якушкиным закрылась, – ведь важный материал он нам доставил?! А? И человек, по-моему, занятный...

– Да, несомненно, – согласился Воронцов, собирая фотографии в пачку. – Я заберу все фото, не возражаете?

– Забирай, забирай, – кивнул Ястребов и протянул ему карточки, которые были у него в руках. – Это для твоего семейного альбома, а мне ни к чему... Изучи, как следует. Это такие документы, от которых не открутишься...

– Еще минуточку, товарищ Воронцов, – сказал Стремянной, заметив его выжидательный взгляд, – я только досмотрю эти несколько штук...

Он взял в руки последние три фотографии. На одной из них внимание его почему-то привлекла фигура уже немолодого немецкого офицера, плотного, с высоко поднятыми плечами... Офицер смотрел куда-то в сторону, и фигура его была несколько заслонена широким кожаным регланом эсэсовского генерала, обращавшегося с речью к толпе, понуро стоящей перед зданием городской управы. Что-то в облике этого офицера показалось Стремянному знакомым. Где он его видел?.. И вдруг в памяти у него возникли те двое пленных, которых он заметил сегодня утром на улице города. Тот, постарше, с поднятым воротником и в темных очках!..

Стремянной быстро вышел из комнаты, спрыгнул с высокого крыльца и нагнал Якушкина в ту минуту, когда фотограф расспрашивал часового у ворот, как пройти к продовольственному складу.

– Товарищ Якушкин! А товарищ Якушкин! – окликнул Стремянной. – Скажите-ка мне, кто это такой? Вы не знаете? Да нет, не этот. Вон тот, позади...

Якушкин поправил очки и взял из рук Стремянного фотографию.

– А!.. Я думал – вы спрашиваете про этого оратора в реглане. Это – Курт Мейер, начальник гестапо, а тот, позади, – бургомистр Блинов. Знаменитость, в своем роде...

– Бургомистр?.. Почему же он в немецкой форме?

– А гитлеровцы ему разрешили. В последнее время он только и ходил во всем офицерском.

– Спасибо! – Стремянной быстро возвратился к себе и вызвал по телефону военную комендатуру города.

– У телефона комендант майор Теплухин!

– Товарищ майор! – быстро сказал Стремянной. – Часа три назад к вам должны были привести двух пленных офицеров... Одного? Нет, двоих... Один из них такой коренастый, в темных очках... Где он?.. Нет, не хромым, а другим... Сбежал?.. Как же это вы допустили, черт вас совсем возьми!.. Да вы знаете, кто от вас сбежал?.. Бургомистр! Предатель!.. Найти во что бы то ни стало... Слышите?.. Повторите приказание.

Майор Теплухин повторил в трубку приказание. Стремянной сейчас же распорядился, чтобы в городе тщательно проверялись пропуска и чтобы количество патрулей было увеличено. Потом он рассказал о происшествии Воронцову, отдал ему фото и, когда Воронцов ушел к себе, снова принялся за работу. Но ему не работалось. «Странное дело, как он врезался в память, этот сегодняшний эсэовец, – думал он, раздраженно шагая из угла в угол. – Вижу в первый раз, а вот поди ж ты!..»

Глава восьмая

Удивительное известие

В этот вечер вся энергия движка, который обычно освещал штаб дивизии, была отдана госпиталю и типографии, где печатался первый номер газеты освобожденного города.

...За большим столом, покрытым за неимением скатерти простыней и уставленным бутылками, банками консервов, тарелками с колбасой, шпигом и дымящейся вареной картошкой, сидел виновник торжества – генерал Ястребов, правда, еще со знаками различия полковника, потому что военторг никак не мог предусмотреть, что производство полковника Ястребова в генералы состоится так быстро. Вокруг стола на табуретках, стульях и опрокинутых ящиках сидели замполит Корнеев, Стремянной, которого то и дело вызывали к телефону, Громов и Иванов, оба усталые, полные впечатлений от большого дня, – они сегодня осмотрели весь город, говорили с десятками людей, и только теперь перед ними стало понемногу вырисовываться все то, что предстоит им сделать в этом разрушенном врагом городе.

Комната, в которой они сидели, освещалась неверным желтоватым светом нескольких стеариновых свечей, расставленных на столе между бутылками и банками.

За стеной штаб дивизии жил своей обычной напряженной и деловой жизнью. Слышались голоса телефонистов: «Волга слушает!», «Днепр, Днепр, отвечайте пятьдесят шестому». То и дело хлопала дверь. Стучали каблуки. Оранжевые язычки пламени на свечах метались, чадили, и тени голов расплывались по стенам.

Когда наполнили стаканы, Ястребов встал. Встали и все, кто был за столом.

Ястребов сказал:

– Мне хочется вас приветствовать в городе, который освободила наша дивизия. Долго стояли мы на восточном берегу Дона, долго ждали приказа... И вот наконец мы идем на запад. Тяжело видеть нам города наши в развалинах, людей наших замученными... И мне хочется прежде всего почтить память тех, кто погиб за Родину!.. – Комдив замолчал и склонил голову. Все помолчали. – И все же радостный у меня сегодня день, товарищи, – продолжал он. – Не потому, что я получил звание генерала, и не потому, что меня наградили орденом... Хотя это и большая радость. Но главное – я верю, я убежден, что нанесенный нами удар приближает полный разгром врага. Выпьем же, друзья, за победу, за то, чтобы город этот стал еще красивее, чем был, чтобы скорее забылась в нем война и чтобы дивизия наша дошла до Берлина.

Зазвенели стаканы. Все были взволнованы и даже растроганы. Стремянной чуть пригубил свой стакан. Каждую минуту ему приходилось выходить из-за стола – читать донесения и самые важные из них тут же показывать Ястребову, который тоже несколько раз выходил в соседнюю комнату докладывать по телефону командующему армией.

Из штаба армии запрашивали, сколько и каких боеприпасов нужно доставить; нет ли новых данных об укрепрайоне; когда прислать машины за ранеными; как идет учет трофеев; сколько взято в плен вражеских солдат и офицеров; в каком состоянии город; из обкома партии интересовались, можно ли быстро пустить в ход электростанцию и другие предприятия, просили по возможности обеспечить население продовольствием и топливом...

За столом делились впечатлениями утреннего боя, вспоминали недавние встречи. Громов рассказал об одном больном старике-железнодорожнике, старом члене партии, который в своей сторожке устроил явку для партизан, передавал сведения о движении вражеских воинских эшелонов. Старик сохранил свой партийный билет, и одним из первых его вопросов к Громову было: «Кому, товарищ секретарь, платить теперь членские взносы?»

– А вы знаете, – сказал Ястребов, – мне доложили, что на окраине города обнаружена разбитая авиабомбой машина местного начальника гестапо...

– А его-то самого хлопнули? – спросил Иванов.

– Нет, его не нашли. Наверно, сбежал.

Вдалеке, где-то на окраине города, раздалось несколько сильных взрывов – это минеры обезвреживали минные поля. Низко над крышами пронеслось звено бомбардировщиков...

В эту минуту дверь медленно приоткрылась, и на пороге появился начальник госпиталя, майор медицинской службы Медынский. Небольшого роста, толстый, он был одет в белый халат, поверх которого, вероятно, в сильной спешке накинул шинель, не успев надеть ее в рукава. По его взволнованному лицу Стремянной понял, что в госпитале что-то произошло.

Увидев в комнате столько людей, Медынский смущенно отступил за порог, но Стремянной тотчас же вышел в соседнюю комнату.

– Что случилось, товарищ Медынский?

Врач отвел Стремянного в сторону и так, чтобы никто не слышал, тихо сказал:

– Удивительная новость, товарищ подполковник! Капитан Соколов объявился.

– Соколов?! Да что вы говорите! Бывший начфин?

– Он самый!..

– Где же он?

– У нас в госпитале.

– А как он к вам попал?

– Бежал с дороги из колонны военнопленных. Гитлеровцы вывели их из концлагеря и погнали на запад. Ну, он как-то сумел от них уйти. Охранники ему вслед стреляли, ранили в правую руку. Посмотрели бы вы, во что он превратился! Какая шинелишка, какие сапоги! Весь оборванный! Чудом от смерти спасся...

– В каком он состоянии?

– Слаб, но бодр... шутит даже... сказал, чтобы я вам передал от него привет. Он говорит, что хотел бы увидеться с вами.

Стремянной на минуту задумался.

– Хорошо. Я сейчас приду... – Он шагнул к двери, за которой висел его полушубок, и обернулся. – А как здоровье того солдата Еременко, которому сегодня ноги ампутировали? Знаете, того – из концлагеря?

– Еременко?.. Еременко полчаса назад умер. Так и не пришел в сознание, бедняга. Операция была слишком тяжелая, а сил у него – никаких. Сами понимаете...

Стремянной невольно остановился на пороге.

– Умер, говорите... Так, так... Ну что ж, я сейчас приду.

Он быстро накинул полушубок и, отдав дежурному необходимые распоряжения, вышел из штаба...

Глава девятая

Встреча

Когда Стремянной вошел во двор госпиталя, двое санитаров выносили из дверей носилки. По тяжелой неподвижности плоского, как будто прилипшего к холсту тела сразу было видно, что на носилках лежит мертвый. Еременко!.. Стремянной взглянул в темное лицо с глубоко запавшими закрытыми глазами. «Ах, будь они прокляты, сколько вытерпел этот человек! И вот – все...»

Стремянной снял шапку и, пропустив мимо себя санитаров, смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом дома. Потом он рывком открыл тяжелую, обмерзшую снизу дверь и вошел в госпиталь.

В лицо ему ударил знакомый теплый госпитальный запах только что вымытых полов, эфира, сулемы. Неярко горели редкие электрические лампы. В дальнем углу коридора громоздились одна на другой школьные парты. Двери классов, превращенных в палаты, были широко открыты. Там тесно, чуть ли не вплотную друг к другу, стояли койки. Койки стояли и в коридоре. Только одна дверь была плотно закрыта. «Уж не тут ли кабинет Медынского?» – подумал Стремянной и приоткрыл дверь.

Он увидел стены и шкафы, завешенные белыми простынями, никелированные столики для инструментария и на них – в ярком свете подвешенной к потолку прожекторной лампы – флаконы, чашки, щипцы, разной формы ножи и пилки.

Середину комнаты занимал операционный стол на высоких ножках, на нем лежал раненый, по грудь покрытый простыней. Женщина в белом халате и маске, чуть подавшись вперед, быстрыми и точными движениями зашивала рану.

Услышав скрип двери, она повернула закрытое до самых глаз лицо и вопросительно посмотрела на Стремянного.

Он смущенно улыбнулся, махнул рукой и поскорей прикрыл дверь.

Где же все-таки Медынский? Куда он запропастился?

Как раз в эту самую минуту начальник госпиталя появился на верхней площадке лестницы.

– Соколов не здесь, товарищ подполковник, он наверху – в палате для легко раненных, – говорил он, перегибаясь через перила. Медынский был уже без шинели, в выглаженном халате с тесемочками, аккуратно завязанными сзади на шее и у кистей рук. Это придавало его облику какую-то спокойную деловитость. – Я ему сказал, что вы сейчас придете.

– И что же он?

– Он даже весь загорелся от радости. Вы не можете себе представить, как измучен этот человек.

Медынский повел Стремянного на второй этаж. Они прошли мимо перевязочной, из которой сквозь плотно закрытые двери доносились стоны раненого и молодой женский голос: «Ну, миленький, хороший мой, потерпи! Ну, минуточку еще потерпи, мой дорогой».

– Это что, Анна Петровна перевязывает? – спросил Стремянной прислушиваясь.

– Да, она. А что, сразу узнали?

Стремянной кивнул головой:

– Как не узнать! Много она со мной повозилась...

Они прошли в конец длинного, широкого коридора, в который выходили двери из пяти классов. У самой последней Медынский остановился:

– Здесь... Я вам нужен?

– Нет, не беспокойтесь, занимайтесь своими делами, товарищ Медынский. Если будет надо, я попрошу вас зайти или сам зайду.

– Слушаю!

Медынский ушел, но Стремянной не сразу открыл дверь. Он постоял немного, держась за железную ручку. Ему с необыкновенной ясностью вспомнилась вдруг всклокоченная голова Еременко в глубине темных нар, а потом – провалившиеся мертвые глаза с почти черными веками... Каким-то он увидит Соколова?!

Стремянной толкнул дверь и вошел в палату.

Соколова он увидел сразу. Тот лежал на крайней койке у окна. В палате громко разговаривали и смеялись. Увидев Стремянного, все разом затихли. С ближайшей койки на него смотрели большие серые глаза лейтенанта Федюнина, накануне попавшего под бомбежку. Ему посчастливилось: он остался жив – взрывная волна прошла стороной, – но он получил три осколочных ранения в ноги. Стремянной хорошо знал Федюнина и жалел его.

– Здорово, Федюнин! – сказал он проходя. – Надеюсь, недолго залежишься?

– Зачем долго? Через две недели вернусь, – ответил Федюнин и широко улыбнулся.

Остальных, кроме Соколова, Стремянной не знал – это были солдаты из разных частей, но они его встретили как старого знакомого.

– Здравствуйте, товарищ подполковник! Проведать нас пришли? – сказал усатый молодой солдат с перевязанным плечом.

– Проведать, проведать...

– В палате номер девять все в порядке, товарищ начальник! Все налицо. Никого в самовольной отлучке нет, – шутливо отрапортовал солдат.

Стремянной улыбнулся:

– Вижу, настроение здесь боевое.

– Самое боевое, – подал из другого угла голос артиллерист с широкой повязкой вокруг головы. – Тут у нас полное взаимодействие всех родов войск – от артиллерий до походной кухни. Хоть сейчас наступай!..

– Вот и хорошо, – отозвался Стремянной, с удовольствием поглядев на его широкое, чуть рябоватое лицо со смелыми, очень черными под белой повязкой глазами. – Подремонтируетесь тут, подвинтите гайки и айда – пошли!..

Он миновал койку артиллериста и остановился у занавешенного окна, в том углу, где лежал бывший начфин.

– Здравствуйте, товарищ Соколов!

Соколов с усилием приподнялся с подушек.

Его забинтованная правая рука была тесно прижата к груди. Он подал Стремянному левую руку и крепко сжал его ладонь.

– Я так рад, так рад... – сказал он, слегка задыхаясь от волнения и не выпуская руки Стремянного из своей. – Ведь я уже потерял всякую надежду когда-нибудь вас всех увидеть... Потерял всякую надежду остаться в живых...

По его бледным, небритым щекам катились слезы радости. С тех пор как Стремянной видел его в последний раз, Соколов, конечно, сильно переменялся. Но никак нельзя было понять, в чем же эта перемена. Постарел, похудел? Да, конечно... Но не в этом дело. Бороды нет?.. Это, разумеется, очень меняет человека, но опять-таки не в этом дело... Стремянной напряженно вглядывался в какое-то отяжелевшее, как будто отекавшее лицо Соколова. А тот улыбался дрожащими губами и, усаживая Стремянного у себя в ногах – в комнате, тесно заставленной койками, не оставалось места даже для табуретки, – все говорил и говорил, торопливо, обрадованно и взволнованно, словно опасаясь, что, если он замолчит, гость его встанет и уйдет.

– Нет, какая радость, какая радость, что я вас вижу!.. – Он прикоснулся дрогнувшими пальцами к локтю Стремянного. – Вы уже подполковник, а, помнится, когда вас назначили к нам, вы еще майором были. Это каких-нибудь восемь месяцев тому назад... Каких-нибудь

семь месяцев... – Он откинулся на подушку и прикрыл глаза рукой. – А сколько за эти месяцы пережито... Боже ты мой... Сколько пережито...

– Вы только не волнуйтесь, товарищ Соколов, – сказал Стремянной, стараясь самым звуком голоса успокоить его. – Не надо вам сейчас все это вспоминать.

– Да не могу я не вспоминать! – почти закричал Соколов, и в горле у него как-то задрожало и хлипнуло. – Я сейчас, немедленно, хочу рассказать вам, как я попал в плен. Вы можете меня выслушать?

– Ну ладно, ладно, рассказывайте, – ответил Стремянной, – только спокойнее. Прошу вас. Товарищи вам не помешают?

– Нет, нет, – горячо сказал Соколов, – пусть слышат все. Какие у меня секреты!.. Вы помните, товарищ подполковник, при каких обстоятельствах я попал в плен? – Стремянной кивнул. – Ну, так вот, – продолжал Соколов, – кроме шофера, со мной в машине ехали два автоматчика – Березин и Еременко. Когда мы уже были на полпути к Семеновке, – вы помните, там должен был расположиться штаб нашей дивизии, – из-за облаков выскочило звено «юнкеров». Они стали бомбить дорогу... Мы остановили машину и бросились в канаву... Тут недалеко хлопнулась стокилограммовая фугаска. Осколки так хватила нашу машину, что уже ехать на ней никуда нельзя было. Разве что на себе тащить... Что тут было делать?

– Ясное дело – брать машину на буксир и тянуть, – сказал сосед Соколова, шофер Гераскин, у которого от взрыва бака с бензином было обожжено все лицо. Сейчас оно уже поджигало и почти сплошь было покрыто густой зеленой мазью; от этого он казался загримированным под лешего.

– Легко сказать, – отозвался Соколов, быстро оборачиваясь к Гераскину. – Мы, наверно, сто раз пробовали остановить проезжавшие машины. Куда там! Никто не остановился, как мы ни кричали...

– Бывает, – как-то виновато согласился Гераскин.

– Что же мне было делать, товарищ Стремянной? – Соколов схватил Стремянного за руку. – Ну скажите хоть вы! На машине у меня сундук с деньгами. Я отвечаю за них головой...

– Дело сурьезное, – сказал усатый солдат.

– То-то и есть. – Соколов на лету поймал сочувственный взгляд и ответил на него кивком головы. – Очень серьезное... Тогда я решил послать одного из автоматчиков – Еременко – пешком в штаб дивизии за помощью, а сам с другим автоматчиком и шофером остался охранять денежный ящик.

– Правильное решение, – поддержал Федюнин.

– Ну вот, – продолжал Соколов, подбодренный общим дружелюбным вниманием, – тут и началось... Проходит час, два... Еременко не возвращается. Помощи нет. И вдруг – снова бомбежка... Мы опять залегли в канаву... – Соколов помолчал. – А дальше я ничего не помню... Контузило меня... Очнулся в плену... в каком-то бараке... лежал целый день на охапке гнилой соломы. Пить даже не давали...

– Сволочи! – послышалось из другого конца палаты.

– Но хуже всего стало потом, – угрюмо сказал Соколов, – когда они по документам выяснили, что я начфин. Тут уж такое началось... – Он провел ладонью здоровой руки по лбу и на секунду зажмурился.

– Ну а знаете ли вы что-нибудь о судьбе тех, кто был с вами? – спросил Стремянной. Ему хотелось хоть ненадолго отвлечь Соколова от особенно мучительных воспоминаний.

Соколов поднял припухшие веки и посмотрел на Стремянного.

– Только об одном, – медленно ответил он и опять прикрыл глаза.

– О ком же?

– Об одном из автоматчиков – Еременко. Переводчик мне говорил, что он был в концлагере, но как будто погиб.

– А где же были вы?

– Я? – Соколов криво усмехнулся. – Я почти все время сидел в гестапо, в подвале. Меня допрашивали три раза в день, то забывали на целые недели...

Стремянной придвинулся поближе:

– А на строительстве укрепрайона вы не были?

– Был, – сказал Соколов, – как же!.. Там такие укрепления! Такие укрепления!.. – Он сжал зубы, и от этого на скулах у него заходили желваки. – Можно всю дивизию положить и не взять!..

– Это вы уж слишком, товарищ Соколов! Напугали вас!.. Не так все страшно, как вам кажется, – ответил Стремянной. – Однако это хорошо, что вы там побывали... Как видите, не было бы счастья, да несчастье помогло... Попозже я к вам зайду с картой, и мы подробно поговорим. А пока припомните, как в укрепрайоне организована система огня...

– Конечно, обо всем укрепрайоне я не могу сказать, – произнес Соколов, подумав, – ведь я только несколько укреплений и видел...

– Где?..

– Да вот доты в районе Малиновки... Там их штук пять... О них я могу рассказать подробно.

– Что ж... О чем знаете, о том и расскажете.

Наступило короткое молчание.

– А знаете, товарищ Соколов, – сказал Стремянной, чтобы прервать тишину. – Еременко-то ведь мы нашли!.. Я сам привез его в госпиталь. У него были обморожены обе ноги...

Он не успел договорить. Соколов изменился в лице. Челюсти его сжались. Глаза расширились.

– Вы нашли Еременко?.. Это очень хорошо!.. Теперь будет кого расстрелять!.. Я хотел бы об этом сказать дальше. Это ведь он привел те немецкие бронемашинны, на одну из которых был переложен сундук с деньгами. Он!.. Негодяй!.. Из-за него меня в плен взяли... Из-за него погибли шофер и Березин!..

– Откуда вы знаете? – спросил Стремянной.

– Узнал во время допросов в гестапо... У нас была с ним даже очная ставка... Где он?.. Скажите мне, где он – я уничтожу этого труса и подлеца! Задушу собственными руками!

Соколов вскочил с койки, лицо у него горело. В исступлении он ударил больной рукой по железной спинке кровати и тяжело застонал.

– Да успокойся, успокойся, товарищ Соколов! – закричали с других коек.

Стремянной взял его за плечи и посадил на одеяло.

– Ложитесь, ложитесь, без разговоров!.. Еременко нет. Он умер. Не выдержал операции.

Соколов обессиленно откинулся на подушку. Его лицо и грудь покрылись потом. Несколько минут он лежал с закрытыми глазами.

Стремянной с тревогой смотрел на это тяжелое, чуть одутловатое лицо. И вдруг он склонился еще ниже: что-то по-новому знакомое мелькнуло в складке губ, в повороте головы...

В ту же секунду, словно почувствовав его взгляд, Соколов открыл глаза и прямо в упор посмотрел на Стремянного.

– Так умер, говорите? – сказал он тихо. – Что ж, туда мерзавцу и дорога. Он и в лагере был предателем. Сколько народу из-за него погибло!..

– Собака! – с ненавистью произнес усатый солдат. – Повесить такого мало... Жаль, что сам помер.

Стремянной искоса поглядел на усатого солдата и вдруг поднялся с места.

– Куда вы, товарищ Стремянной? – с тревогой в голосе сказал Соколов. И добавил просительно: – Побудьте еще хоть немного!

– Да я сейчас вернусь, – уже на ходу, оглядываясь через плечо, ответил Стремянной. – Гостинец я для вас захватил, да забыл – внизу в полушубке оставил. Сейчас принесу. А вы пока отдохните немного. Вредно вам так много говорить.

Стремянной быстро вышел из палаты, спустился вниз, достал из кармана полушубка плитку шоколада и, шагая через две ступеньки, опять побежал наверх. По пути он зашел в кабинет к Медынскому, дал ему кое-какие распоряжения и снова вернулся в палату.

Соколов ждал его, приподнявшись на локте и беспокойно глядя на дверь.

– Что же было дальше? – спросил Стремянной, подавая ему шоколад и, как прежде, усаживаясь в ногах. – Рассказывайте!

– Дальше? – Соколов махнул рукой. – Что ж дальше... Они все время требовали, чтобы я открыл им сундук. Им казалось, что в нем спрятаны какие-то важные документы... Я-то знал, что, кроме денег, там нет ничего. Но открывать сундук мне не хотелось. Хотите верьте, хотите нет, просто честь не позволяла. Так тянулось больше трех месяцев. А потом...

Все в палате затихли, ожидая, что скажет Соколов. Лейтенант Федюнин, приподнявшись на подушках и вытянув шею, в упор, не мигая, смотрел на него. Старый солдат нетерпеливо крутил свой темный ус. Гераскин схватил себя за подбородок, не замечая, что измазал руку зеленкой. Стремянной сидел неподвижно, положив на колени руки, и внимательно слушал.

– А потом, – смущенно, чуть запинаясь, продолжал Соколов, – однажды ночью меня вывели во двор, поставили у стены сарая, навели на меня автомат и сказали: или ты сейчас умрешь, или открой сундук. – Соколов повернулся в сторону Стремянного. – Ну, я и подумал, товарищ подполковник, – черт с ними, с деньгами!.. Все равно они им пользы не принесут... а меня убьют ни за что.

– И вы им открыли? – спросил Стремянной.

– Да, открыл. А вы откуда знаете? – Соколов с удивлением взглянул на него.

– Во-первых, потому, что вы живы, – ответил Стремянной под общий смех. – А во-вторых, я этот сундук сегодня видел своими глазами. Я и подумал: если он цел, может быть, и вы живы...

Соколов пожал плечами.

– Судите меня как хотите, товарищ подполковник... – покорно склонив голову, сказал он, – я, конечно, виноват... Но, посудите сами, я бы погиб, зарыли бы они меня, ведь все равно сундук-то взорвали бы...

Раненые молча переглядывались. Каждый по-своему расценивал поступок Соколова.

– И верно, – сказал кто-то вполголоса, – если бы там секретные документы были!.. А то деньги... Не погибать же из-за них человеку...

Соколов с благодарностью посмотрел в тот угол, где прозвучали эти слова.

– А потом они меня отправили в тюрьму, – сказал он, опять поворачиваясь к Стремянному. – Тут вот – на окраине города. Пробыл я там до самых последних дней. Сегодня ночью нас вдруг внезапно подняли, построили и погнали по дороге в сторону Нового Оскола. Я понял, что, очевидно, наши начали наступление. Решил бежать... Когда проходили через мост, прыгнул вниз... Заметили... Стали стрелять... Ранили... Но мне удалось скрыться в кустах. А затем я вернулся! Вот и все.

– Все, значит? – задумчиво переспросил Стремянной.

– Все.

В палате на минуту сделалось совсем тихо.

Дверь слегка приоткрылась, и в щель просунулась лысая голова Медынского:

– Товарищ подполковник, вас спрашивают!

– Сейчас приду, – сказал Стремянной и вышел из палаты.

Он пробыл за дверью не больше минуты и вернулся назад как будто чем-то озабоченный. Соколов это заметил сразу.

– Что случилось? – спросил он.

– Неприятная история, – ответил Стремянной, прохаживаясь между койками. – Ну, да это потом. Так на чем мы остановились?

– Ни на чем. Я все рассказал. Больше прибавить нечего. – Соколов поглядел на Стремянного спокойным, доверчивым взглядом. Только левая рука его то судорожно сжималась, то разжималась, теребя складки одеяла и выдавая скрытую тревогу.

Вдруг погас свет. Палата погрузилась в полную темноту.

– Движок испортился, – сказал голос усатого солдата.

– Моторист, наверно, заснул, – насмешливо процедил Гераскин.

– Горючего не хватило!

Раненые засмеялись.

Стремянной вышел в коридор, такой же темный, как палата, и крикнул:

– Почему нет света?

Чей-то голос ему ответил:

– Сейчас узнаем!..

– Принесите сюда керосиновую лампу!

– Есть!.. Сейчас!..

За дверью послышались чьи-то быстрые шаги. Кто-то, стуча каблуками, спускался по лестнице, кто-то поднимался. Мелькнула полоска света и тут же исчезла.

– Сюда, сюда, – сказал Стремянной какому-то человеку, который шел по коридору, – что у вас в руках? Лампа?.. Зажгите же ее! Спичек нет? У меня – тоже... – Он вернулся в палату. Человек с лампой остался стоять в дверях. – Товарищ Соколов, у вас есть спички?

– Нет, – ответил Соколов. – Я некурящий.

– У кого есть спички?

– Возьмите, товарищ подполковник, – сказал Гераскин и в темноте протянул коробку Стремянному.

Стремянной взял спички, но тут же уронил их на пол.

– Вот неприятность! – рассердился он. – Где-то около вас, Соколов, спички упали?

– Нет, – ответил Соколов, – кажется, они упали около соседней койки.

– Вы слышите? – обратился Стремянной к человеку, который стоял в дверях.

– Слышу, – ответил тот.

– Что вы слышите?

За дверью молчали.

– Что вы слышите? – повторил Стремянной настойчивей и громче.

Человек, стоящий в дверях, кашлянул и ответил медленно и сипло:

– Слышу голос бургомистра города – Блинова...

– Свет! – крикнул во всю силу легких Стремянной.

– Свет! – закричал в коридоре Медынский. Но в то же мгновение Соколов вскочил с койки и бросился к окну. Он уже успел вышибить раму, когда Стремянной схватил его и повалил на койку, прижав всем своим большим телом.

Вспыхнувший свет осветил двух борющихся людей. Раненые повскакивали с коек, чтобы прийти на помощь Стремянному, но этого уже не требовалось. Соколов лежал, крепко спеленутый простыней, завязанной на его спине узлом.

На пороге комнаты появился новый человек – фотограф Якушкин с фонарем «летучая мышь». Он медленно, в напряженном молчании подошел к Соколову и нагнулся над ним.

– Узнаете меня, господин Блинов? – негромко спросил он. – Я – фотограф Якушкин. Вы у меня фотографировались...

– Это ложь, ложь! – прохрипел Соколов, стараясь вырваться из стягивающей его простыни.

В дверях показался Воронцов. Он неторопливо прошел между койками, вынул из кармана фотографию и показал ее Соколову.

– Посмотрите, господин бургомистр... Вы, несомненно, узнаете себя.

Раненые, вскочив со своих коек, уже больше не ложились. Усатого солдата трясло, как в сильном ознобе. Он стоял около койки Соколова и требовал, чтобы ему дали автомат застрелить предателя. Лейтенант скрипел зубами – он не мог себе простить того, что поверил рассказу Соколова и даже сочувствовал ему. Гераскин вдруг вырвался вперед, навалился на Соколова и занес кулак...

Воронцов схватил его за руку:

– Не трогайте! Это дело разберет трибунал!..

Через несколько минут Соколова заставили одеться, и конвой повел его по темным, безлюдным улицам на допрос в особый отдел.

Глава десятая

Тайна

– Товарищ генерал, пришел вас ознакомить с некоторыми показаниями, которые на допросе дал Соколов... виноват, Зоммерфельд.

– То есть как это – Зоммерфельд? – сказал Ястребов. – Разве он немец?

– Да, немецкий шпион. И не просто рядовой, товарищ генерал, а матерый... Заслан в Россию задолго до войны. Перешел границу на севере и с тех пор жил под фамилией Соколова...

– Так... Так...

Майор Воронцов вынул из большого желтого портфеля протокол допроса и положил его перед Ястребовым на стол. Стол был завален сводками и картами. По левую руку от генерала стоял телефон в желтом кожаном кожухе, по правую – открытый жестяной пенал с карандашами.

Ястребов склонился над листом бумаги, поглаживая рукой лоб и медленно, слово за словом, читая строки допроса.

– А как же, товарищ Воронцов, выяснилось, что Соколов на самом деле немец? Зоммерфельд или как там его? Неужели такой матерый волк сам признался?

– Да, товарищ генерал, – сказал Воронцов, – он в этом признался.

– Странно!

– Не так уж странно, товарищ генерал. Неопровержимые улики.

– Какие?

– Мы нашли среди документов, которые он хотел вывезти в сундуке, его автобиографию... Вот она... – Воронцов вновь раскрыл свой объемистый портфель и вынул из него несколько листков бумаги, исписанных синими чернилами, тонким острым почерком. – Как видите, документ написан собственноручно. В конце – личная подпись. Видимо, эту автобиографию он собирался переслать в Германию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.